ГЕННАДИЙ АЛАМИА

И вошло солнце в море...

Стихи

Перевод с абхазского

Сухум
Абгосиздат
2017

УДК 821.35
ББК 84(5Абх)6-5
А 45

Аламиа, Г. Ш.
А 45 И вошло солнце в море… : стихи : перевод с абхазского / Геннадий Аламиа. – Сухум: Абгосиздат, 2017. – 248 с.

Геннадий Аламиа – один из ярких представителей новой абхазской поэзии. Его литературные поиски в самом начале творческого пути поддержал Фазиль Искандер, который в предисловии к первой переведенной на русский язык книге стихов поэта «На рассвете» писал: «Для меня совершенно очевидно, что философская лирика – это настоящее и будущее молодого поэта. Любовь, равнодушие, нежность, жестокость, жизнь, смерть – все это органично входит в его стихи и нередко подкупает глубиной и драматизмом поэтического взгляда на жизнь». Освоив приемы остросовременного художественного мышления, Г. Аламиа не порывает связи с образной системой абхазского фольклора. Сегодняшняя его лирика – плод напряженных раздумий о времени, породившем новые проблемы и новые надежды.

УДК 821.35
ББК 84(5Абх)6-5

© Аламиа, Г. Ш., 2017
© Абгосиздат, 2017

ВО МНОГОЙ МУДРОСТИ…

О творчестве Геннадия Аламиа

Перечитав многажды все поэтические сборники Геннадия Аламиа – сделать это совсем не сложно, к сожалению, автор не плодовит – я поймала себя на мысли, что стараюсь припомнить, как часто слышала в юности, в ежедневном общении во время учебы в Литинституте, его громкий в голос смех. И знаете, не припомнила ни одного случая. Добродушной усмешки, теплого взгляда – сколько угодно, а молодого самозабвенного хохота, обычного для тинэйджеровского возраста, нет. Мне кажется он гораздо раньше нас, его сверстников, стал догадываться о многомерности мира и хрупкости равновесия, в котором пребывают добро и зло, – и знание это, как всякое истинное знание, не делало его счастливей. Как известно, «во многой мудрости много печали». Я вот все думаю, когда же было написано стихотворение, которое в русской книжке имело название «На больничной лестнице», а в абхазском сборнике вышло без названия с начальными строчками, звучащими в моем подстрочном переводе так: «Ведаете ли вы о том, что несете на носилках? Это мир погибший». Это стихотворение, мне кажется, стало первым, произведшим большое впечатление не только на друзей, но и на известных литераторов, которые у нас вели творческие семинары. Помню, как хвалил его Фазиль Искандер. О дате же я думаю потому, что долгие годы и особенно теперь, когда «прошлое яс-

ней, ясней, ясней», вспоминается одно трагическое событие. На втором году обучения наш сокурсник, талантливый юный поэт, москвич Владимир Полетаев покончил с собой, выбросившись из окна. Мы всем курсом поехали на кладбище проводить в последний путь нашего друга. Возвращаясь с печального события – лично мне расстояние от могилы до дороги, где поджидал автобус, показалось неимоверно длинным – мы непроизвольно ускоряли шаги, а когда оказались на дороге метров в тридцати от транспорта многие из нас и вовсе побежали. Сев на свои места в автобусе, увозившем нас в жизнь, думаю, многие сбросили с плеч трагедию смерти, как непосильную ношу. Последним же в салон вошел Гена. Он исподлобья обвел нас раненым взглядом и сказал по-абхазски: «Вы дурно пахнете!» Поняли его, естественно, немногие. Но я поняла и обиделась: «Зря нас укоряет, будто мы толстокожие, и только он способен на скорбь». На самом деле это было именно так. Тогда были очень популярны стихи поэта Джона Донна, ставшие таковыми из-за того, что дали название и стали эпиграфом к роману кумира нашего поколения Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол»: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши; (…) смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по тебе». В девятнадцать лет они воспринимались чаще всего, как красивая метафора, а для Гены Аламиа уже были непреложным за-

коном жизни. Именно поэтому в уже упомянутом выше его стихотворении – позже окажется, что все его стихи, так или иначе, насыщены подобным глобальным мироощущением – смерть каждого человека, в данном случае и вовсе незнакомого, поэт воспринимает как гибель целой планеты, как крушение вселенского масштаба. А санитары же, которых он повстречал на лестнице, когда они спускали на носилках в морг покойника, весело переговаривались – для них это была рутинная работа. Простим их – не ведают, что творят… «Под грубый смех санитаров//Я к холодным перилам прижался.//Мир опускался по лестнице,//По которой я поднимался» (перевод Ф. Искандера).

Отмечая духовную зрелость, далеко опережающую биологическую, обычно не слишком щедрый на похвалы Фазиль Искандер пишет в предисловии к тоненькой – для меня она многих томов тяжелее – книжке стихов Гены Аламиа «На рассвете», вышедшей в переводе на русский язык в Москве в семидесятых годах: «С первой же встречи с его стихами меня удивила их духовная смелость, а порой и истинная зрелость мысли. Для меня совершенно очевидно, что философская лирика – это настоящее и будущее молодого поэта. Любовь, равнодушие, нежность, жестокость, жизнь, смерть – все это органично входит в его стихи и нередко подкупает глубиной и драматизмом поэтического взгляда на жизнь».

Трагично, когда мир погибший сужается до такой степени, что вмещается на носилках в руках санитаров, своим равнодушием еще больше умаляющих его. Дело, понятно,

не в физических параметрах. С самого начала поэт пытается нам объяснить: источник малого и великого один, главное не забывать о начале начал. Так, в другом стихотворении Аламиа «Сан лнапсаргәыҵа адунеи ду иахсаалоуп» («Ладонь моей матери – карта мира») он воспринимает испещренную линиями материнскую ладонь, как карту планеты. Всматриваясь в нее, он может угадать многое о мире, в котором живет в грусти и радости, то ища линию надежды, то место свое на этой земле. На карте ладони матери не отмечена только точка, завершающая его земное бытие. Ибо безграничная любовь той, кто даровала жизнь, не может принять такую возможность. Вообще в поэтическом мире Аламиа мать занимает главенствующую, как у католиков – мадонна, роль. И мне очень нравится в этом плане сложное со своими глубинами и рифами стихотворение «Аҧсуа иан» – «Мать абхаза», точнее было бы, наверное, «Мать абхазов» и здесь не приподнятый, не мифический образ, что-то вроде Сатаней Гуаши, а олицетворение любви и высокой работы души. Для меня здесь главное – характеристика, данная ее сыновьям – «Благословенен народ, //чей сын//горе горькое другому народу не принес, //Со злым умыслом не загляделся на чужую землю, //И чью-то мать в траур не одел. //История тому порукой, //Благословенен мой народ» (подстрочный перевод мой – *Э. Б.*). Честно говоря, я никогда не могла понять отчего у сыновей непревзойденной Сатаней Гуаши, не считая Сасрыкуы, не сложилось ни с благородством, ни с благодарностью. Любви материнской и мудрых наставлений на

всех 99 молодцев не хватило, что ли? Ибо человека может облагородить только созидательное чувство. Мать из стихотворения Гены Аламиа – это обобщенная любовь всех абхазских матерей и это как охранительная грамота их детям: «Никто не отыщет средоточие нашей гибели, //Пока жива хоть одна мать – все мы защищены».

Но прежде чем поделиться с вами и другими своими впечатлениями о творчестве Гены Аламиа и о нем самом, я хотела бы остановиться на том, что стало знаковым в абхазской литературе с приходом нашего поэта. Он, подобно Уолту Уитмену – в американской поэзии, «прописал» в абхазской верлибр. Исследователи творчества Уитмена называют его Колумбом американской поэзии из-за того, что он приучил общество к свободному стиху. Мы не будем идти проторенным путем, и искать адекватный статус для Гены Аламиа, тем более, главный статус – поэт – ему дарован Богом. Лучше мы отметим, что он обогатил поэзию вообще и, в частности, абхазскую не только лирико-философскими произведениями, но и утвердил форму свободного стиха, создал школу и у него есть последователи, точнее последовательницы – Гунда Саканиа, Гунда Куцниа, Саида Делба.

Верлибр – явление сложное и коварное. Это современные невежи считают, что, применяя его, все можно валить в кучу, как в рэпе, раз нет надобности «ямба от хорея… отличить». На самом деле, на мой взгляд, нигде так не заметны огрехи в стилистике и недостаток мысли, как в свободном стихе. Геннадий Аламиа с честью справляется

с поставленной задачей. По молодости, случались, у него, конечно, и поверхностные стихи. Для меня, к примеру, это стихотворение «Я христианин», где поэт просит на могиле его посадить живое деревцо, а креста не ставить. Завершающие строчки звучат так: «Я – христианин.//Но ради живого дерева,//Я в силах от креста отказаться». Мне кажется, мышление христианина, помноженное на поэтическое, должно дать другой результат. Крест – символ бессмертия. Вряд ли корректно определять его как нечто мертвое, не выдерживающее сравнения с живым – надолго ли? – деревцом. Это не укладывается ни в философские, ни в поэтические постулаты. Или вот «Диоскурия» – неуклюжее алиби морю, в котором потонул древний город Диоскурия: дескать, море, очарованное красотой города, явилось в гости и, любуясь им, не заметило, как белый град опустился на дно под его напором. Что-то в этом есть романсовое: «любил – погубил». Если перевести на юридические рельсы, так адвокат моря сказал бы: «Мой клиент совершил преступление в состояние аффекта». Смягчающее обстоятельство на суде, но не в поэзии. Однако о поэте надо судить по вершинам его произведений, а вершин у Аламиа предостаточно – образуют целую горную гряду. И в каждом стихотворении он чем-то удивляет, «цепляет» – как сказала бы современная молодежь. Он не часто прибегает к аллитерациям, но я помню, как мы с сыном несколько дней обменивались, как паролем, строчками поэта из его замечательного – я бы даже сказала, программного – стихотворения «Счастье»: «Кудры хышхытцәо,//Ишцац еиԥш

ицома?//Ҭоумышь аҙы ҭоумашь?//Бзанагьы бзоума?» Мне очень жаль, что подобные строчки без потерь невозможно пересадить на почву другого языка. Недаром тревожился Фазиль Искандер в предисловии к изданию книги Аламиа на русском языке: «У Геннадия Аламиа самобытный дар. Надеюсь, что эта тончайшая пыльца самобытности сохранилась при переводе на такой далекий от абхазского и вместе с тем такой необходимый и плодотворный для судьбы поэта русский язык». Я лично не решилась потревожить «пыльцу самобытности» в приведенных выше строках, прежде всего, чтобы не нарушить звуковую их выразительность. Но отважусь переложить две строчки из этого же произведения – характеристика, что дается родному языку: «Родная речь, то резкая в выражениях, то деликатная…» По-моему, это характеристика и самого поэта. От себя еще добавлю: не склонен к изменам. Он может ошибаться, сгорая дотла, всегда находя мужество перешагивать через разочарования, он может обидеть словом, но делом – никогда. Гена может обделить себя, как обделил, перестав писать стихи, – но об этом позже, – зато доверившиеся ему могут быть спокойны: он из тех, кто всегда прикроет вам спину. Я еще много чего написала бы об его человеческих качествах. Однако опасаюсь его насмешливого языка – скажет: «Стала к старости сентиментальна». А то еще что-нибудь похуже. Так что самое время вернуться к стихам. Они уже принадлежат нам всем, и каждый воспринимает их по-своему, не претендуя на абсолютную истину, которая, как известно, прерогатива Небес. Кстати, одно

из стихотворений Аламиа, которое мне нравится меньше других, называется «Истина». Потому меньше нравится, что оно избыточно поучительное и наивное, как советы, вроде тех, как быстро разбогатеть, приобрести друзей, влюбить в себя женщину/мужчину или… найти истину. И уж совсем не в стилистике Аламиа та часть стихотворения, напоминающая антиалкогольную рекламу: мол, истина не в вине. И литературная перекличка с Блоком – помните, «и пьяницы с глазами кроликов//«In vino veritas!» кричат» – не спасает банальность ситуации. Так что оставим истину в стороне и поговорим об афоризмах, щедро разбросанных на страницах книг Гены. Больше всего мне они нравятся тем, что никогда не являются самоцелью, не написаны ради красного словца, наоборот их приходится вылущивать, как каштан из колючей кожуры, из плотного текста произведения, каждый раз радуясь находке. Вот вам две сентенции из небольшого по объему стихотворения, где любое двустишие может претендовать на крылатость. Заранее прошу прощения, если в подстрочнике они не сохранили присущего оригиналу изящества: «Чтобы высветить глубокое ущелье,//Солнце должно встать в зените», «Затянувшееся цветение//Не сулит нам плодов». А это из стихотворения «Старик нашел Бога»: «Зарыл в землю важную истину – //сто вопросов взошло». «Из уполовиненной правды//Складывается ложь». Или: «Исчезают пройденные дороги,//Увиденное – памятник им» (Стихотворение: «Однажды осенью отправлюсь в путь»). А вот еще: «Утрата любви не имеет оправдания. Смерть –

возвращение обязательного долга» (стихотворение «Слова земли на языке цветов»).

В юности Гена Аламиа писал: «Человек разбросан по всей Вселенной. //Он не может сказать: – Это я! //Когда он еще частица цветов, //Когда он еще частица моря, //Когда он еще частица солнца, //Когда он еще частица гор. //Но приходит любовь и собирает человека,//И он говорит: – Я. //И теперь в нем находят частицу себя – Горы, //Солнце, //Море, //Цветы» (стихотворение «Нет человека» в переводе Искандера). В зрелости эта тема «единства с миром» воплощается в одном из лучших произведений Аламиа «Иĸоуп ус амшқәа –//Саныĸам» – «Случаются дни – //Когда меня нет… Тогда:// Я земля,//На которой вы живете,//Которую топчете…//Тогда://Я – ваши крылья,// поднимающие вас ввысь…//Тогда://Я – тропинка – //По ней вы возвращаетесь домой». Следом я просто не могу удержаться, чтобы не процитировать несколько строк из разных стихотворений сборника «Листья травы» Уолта Уитмена: «Если тебе не удастся найти меня сразу,//Не падай духом.//Если не найдешь меня в одном месте,//ищи в другом.//Где-нибудь я остановлюсь и жду тебя». И еще: «Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту моей любимой//травой,//Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя//под подошвами». Для меня это не перекличка через века и океан, это другое измерение, где близкие по духу и дарованию люди становятся частью Универсума, и тогда рушатся зримые и незримые преграды, и духовное наследие ушедших становится нашим общим достоянием,

и мы с надеждой смотрим на живых, чтобы они приумножили его. Так я смотрю на Гену Аламиа. И мне нравятся его исполненные мудрости стихи, очень личные и в то же время аккумулирующие в себе вечные законы мироздания, такие, как «Адунеи ақәлаха сазраҳаз…»: «Кто дозволил мне явиться в мир, //дай мне наиграться, //Вдосталь посмеяться, //Даруй возможность отличить беду от счастья, //Дай мне натрудиться, //Дождаться седых волос, //И с меня довольно, // Я тем утешусь, //И ступив за дарованный предел, //Роптать не стану. //За тем пределом покой, //Всех ожидающее отдохновение».

Я небольшая любительница стихов назидательных или обличающих. Но делаю исключение для стихотворения «Иацышәҭаал иагу кәпеиқәак» за почти физически ощутимый накал гнева, любви, прощения, за ту боль, который испытывает человек, раненный теми, кого пытался спасти: «Подлейте немного// в мутный поток// – подхватит лучшего из вас. //Пополните счет до тридцати сребреников// – лучшему на погибель…// Измена…// Что ж и это занятие// Не каждому по плечу. // Надо решиться// – люди ведь всё же! – переступить черту». В завершение стихотворения поэт предупреждает: Божье прощение, исходящее из милосердия его, не станет ни оправданием, ни утешением для тех, кто нарушал и Божьи, и человеческие законы.

У Гены Аламиа мало любовной лирики. Наверное, оттого, что все его творчество подчинено всеобъемлющей любви ко всему миру и его постижению. А женщина – со-

ставная часть мироздания, столь же загадочная, как НЛО, и насущно необходимая, как глоток воздуха. Но мало не означает, что нет совсем. Например, я нашла в «Антологии абхазской поэзии» пронзительное стихотворение Аламиа «Слова земли на языке цветов»: «Слова земли на языке цветов. //А душа моя нема, стынет тишина. //Моя маленькая толмачка разлюбила меня.//Слова земли на языке гор. //Но я ничего не понимаю.//Моя отважная толмачка далеко. //Поведай мне, Земля, //На языке земном,//Чтобы постиг без перевода,//Что страшней смерть или утрата любви?//Утрата любви не имеет оправдания.//Смерть – возвращение обязательного долга»//ответила Земля на языке земном.//Я все понял – время мое завершалось». Похоже, и мои записки идут к завершению. Но напоследок я хочу вам напомнить одну давнюю историю, где опять же фигурирует Уитмен. Знаменитый американский философ Эмерсон, один из немногих восторженно принявший появление сборника «Листья травы», при переиздании книги специально приехал к автору, чтобы отговорить того от публикации поэмы «Адамовы дети». Поэма в те пуританские времена представлялась слишком откровенной. После двухчасового монолога философа, который, по признанию самого Уитмена, был блистателен во всех отношениях, Эмерсон осведомился: «Что же вы можете возразить?», на что услышал: «Вы правы во всем, у меня нет никаких возражений, и все же после вашей речи я еще крепче утвердился в своих убеждениях, намерен еще ревностнее исповедовать их». Мне представляется, Гена Аламиа чело-

век той же закалки. Но не могу не сказать даже без всякой надежды быть услышанной: Гена, публицистика публицистикой, но ты вернись к стихам, вспомни: шедевр Гете «Фауст» был завершен в восемьдесят лет, значит, время еще есть. Понимаю, Уитмену хватило одной поэтической книги, чтобы стать классиком американской литературы, и уже созданного тобой достаточно, чтобы оставить свой неповторимый след в литературе. Но гуманно ли дарованную тебе планету поэзии обтесывать до размеров астероида публицистики. А главное: зачем?!

Этери Басария

Эта статья могла быть послесловием к моей жизни и творчеству, что было бы естественно, ибо дорогой мой человек Этери Басария появилась на этот свет позже меня. А ушла она раньше, оставив меня жить светлой памятью о ней. И теперь каждое ее слово для меня — как начало, которому не будет конца...

Геннадий Аламиа

МАСТЕР

Л. Озерову

Время волною на жизнь, –
на песок набегает и пишет —
Что? — не успеешь прочесть,
все сотрется другою волной.
Лань промелькнула — была ли? —
свист ветра все дальше, все тише.
Птицы ушли в облака,
Кто их знает —
вернутся ль домой?..

Вечером девушка шла, –
скользила по кромке прибоя.
В поисках счастья прошла,
пронесла красоту, словно свет.
Падали звезды в прибой,
их уносило волною,
Песни рождались и меркли.
Тех песен уже в мире нет.

Счастливы те, кто запомнил,
услышав их в миг зарожденья,
Тех, кто увидели лань,
посмотрели на девушку, но

Мы ль виноваты,
что смыло те образы Время,
Так потеряли все то,
что случилось давно.

Мастер. Лишь он на холсте и в граните,
в мелодии, в слове и в глине
Мог бы для нас навсегда
ту чудесную жизнь сохранить.
Время рождало и в прах обращало
гармонию звуков и линий.
Мастер пришел в этот мир,
чтоб спасти эту тонкую нить —

Россыпь мгновений и звуков ушедших
сплести воедино.
Лань, промелькнувшую в воздухе,
остановить —
Все времена, словно дождь,
проходящие мимо,
В горный поток
своим творчеством объединить.

Вот он над морем на миг задержал
остробликие звезды.

Свет их не умер в прибое —
он так и скользит по волнам.
Птицы навечно вернулись
в высокое небо как в гнезда.
Девушки той красота неподвластна
ни дням, ни векам.

…Первый творец был,
наверно, когда-то и первым изгоем
«Жалкий бездельник» очаг покидал,
чтобы дальше творить.
И красоту на руках выносил из веков,
как из боя.
И у собратьев своих
он прощенья не думал просить.

…Время волною на жизнь,
на песок набегает и пишет —
Что? — не успеешь прочесть,
все сотрется другою волной.
Звук отзвучавший
никто никогда не услышит,
Если его не запомнит Мастер.

Ему лишь дано
Тихий мотив пронести
сквозь гремящее время.
Этот божественный дар
зародился во мраке пещер.
В нем и сокрыта
кровная связь поколений —
Прошлых веков красоту
мы явственней видим теперь.

ДИОСКУРИЯ

Чуден вид его и страшен…
Н. Заболоцкий

Был город…
Он стоял
На берегу морском.
Нет города.
Пропал.
Пропал?
Куда же он
Исчез?
Не свет ли жемчугов
Забрезжил в глубине
И соблазнил его
Пойти туда…
На дне
Остался навсегда.
Был город.
Нет его.
Над ним светла вода.
Над ним волна
Вольна,
Свет солнца шевеля…
Дома остались для
Истории и рыб…

Историк,
Не могли б Вы чуть повременить —
И море не винить —
Не думая убить, убило город море.
Лишь красота домов влекла его туда.
И в эту красоту влюбилось море вскоре
И больше не уйдет оттуда никогда…

* * *

Нет человека.
Был и нет.
Так растворяется в небе птица.
Так исчезает паруса свет
Там — за последней границей.
Нет человека. Не видно. Нет
Для тех, кто лишь видел его движенье,
А для тех, кто любил, — продолжается свет.
Так же имеет свое продолженье
Птицы полет в синеве и скольженье
Паруса за горизонтом…

* * *

Мгновенье еще золотится,
Сверкнув опереньем хвоста,
Как выстрелом сбитая птица.
Падающая звезда.
Рвануться всей жизнью! Помочь ей
Играть и сверкать вдалеке...
А нет...Этот теплый комочек
Пусть гаснет, мерцая в руке...

БАБОЧКА-ОДНОДНЕВКА

Долгой жизни летний день,
Солнечный, цветастый.
Мимо — скука, смерти тень,
День большого счастья.
Крылышек последний взмах
Совершается впотьмах…
Но ведь был же этот день,
От которого — лишь тень,
Летний день,
Огромный день,
Солнечный,
Счастливый день…

И ТОЛЬКО КРУГ

Пусть очень часто мир не различал
Начало и Конец —
Два выраженья одного лица…
Но есть еще Начало всех Начал,
Которому не суждено конца.
Я вижу женщину.
Она среди людей,
Как круглая Земля меж звездных оспин.
Я вижу женщину.
И жизнь творится в ней,
Творится ею…
Путь к бессмертью —
Прост он…
С растерянным, светящимся лицом
Ты замерла у изголовья мира…
Когда ты есть,
То смерть проходит мимо.
Творящая, ты выше всех творцов.

КОНИ ПОПУТНО…

Однажды в рассвет,
Словно в звон колокольный,
Конечно, весною,
Сошли на поля,
Как солнечный свет,
Пестроногие кони,
И чуть покачнулась под ними Земля…
Вот так же певец, проходя по селенью,
Прекрасную песню мог тихо запеть —
Домам и делам подарить пробужденье…
А кони летели,
И вихорь свистеть
В их гривах устал…
Ветра свободней,
Стремительней бури неслись по полям…
А люди смотрели и думали:
«Кони
За счастьем торопятся. Там оно — там!»
И в гривы смертельною хваткой вцепились,
Так женщины в горести волосы рвут.
За призрачным счастьем они торопились,
И кто-то впервые попробовал кнут.
Свистели арканы, нагайки и плети,
Быстрей!..

И отстал обессилевший ветер…
Когда у певца отнимают мотив,
Он так же спешит из селенья уйти…
Ты слышишь —
Как стук копыт нарастает…
Но скоро
В осенний безрадостный шум
Последним лучом на закате растает
Последний, в свой мир уходящий скакун.

ГОЛУБОЕ

Ларисе Смыр посвящается

В мире было много голубого цвета.
Небо было низкое — стлалось у земли…
В мире было много голубого света.
Море было мелкое — мель на мели…
Голубому свету было неба мало.
Голубому цвету не хватало моря.
И тогда взглянула ты и словно мир впитала,
Всю голубизну его уместив во взоре.
С той поры и небо,
С той поры и море
В жажде голубого
Льнут к глазам твоим.
И когда смеешься ты,
Небеса, дорога,
Море — все сияет смехом голубым.

* * *

И мертвым нет покоя —
Надо им
Лететь с Землей в расчисленном круженьи,
Лететь и не завидовать живым,
Мирскому их недолгому движенью.
Живущим нет покоя,
Ибо путь
С Землею на плечах высок и труден,
И не перевести дыханья людям…
Мы мертвым не завидуем ничуть…

* * *

На вороном в звоне
сбруи червонной промчалась
Осень.
Пришла винограда пора —
Дни Сотворения…
Время, о, если бы ты не кончалось,
Так бы стоял и смотрел
В эту осень с утра до утра.
Только нельзя —
созерцание здесь невозможно —
В день Сотворения
каждый живущий — Творец.
Не до тебя мне сегодня, прохожий,
прости, но попозже
Время твое —
вот придет винограду конец…
Прежде чем грозди коснуться,
мы небо погладим —
Тянемся к солнцу,
И тянется к нам виноград.
Сколько же нежности нужно,
чтоб смех виноградин
Не прерывался,
Чтоб сам поменять был бы рад

Солнечный свет
на безмолвную полночь кувшина,
Чтоб не смирился —
сроднился бы с этой судьбой.
Только тогда, покидая прохладную глину,
Сможет он с кровью смешаться,
Стать мной и тобой…

НАШ СПУТНИК — МОРЕ

Мне и морю уже по шестнадцати лет.
Мир прекрасен насквозь —
До последней мельчайшей песчинки.
И его красоте объясненья, наверное, нет.
Каждый день наш подобен сияющей в солнце пылинке.
И ладони тоскуют по жаркой прохладе волос…
Только как же поднять
непослушные робкие руки…
Море хочет волной забежать на песчаный откос,
Там — белейший песок…

Море так одиноко в разлуке.
Но волна отступает, за нею другая волна
Вспять пойдет, и ее поглотит глубина…
Мне и морю уже восемнадцать… И мир
В проявленьях своих так прекрасно понятен…
Мы вольны проживать каждый час, каждый миг,
Словно мир этот — с детства знакомый приятель.
Мы свободны, и нет уже прежних оков…
Ах, по пальцам пылающим волнами волосы…
Вот и море дошло до белейших песков,
Оно дарит песку белопенные полосы.
И в прохладе волос утонула рука…
Пусть продлится мгновение это века.

Нам по тридцать. А это — тот самый предел,
За которым нас ждет не жестокая —
жесткая трезвость,
Когда разум касается чувств,
словно будничных дел,
И смущает тебя пусть прекрасная, но —
неизвестность...
До поднятья руки, до полета волны
Мы вначале подумать немного должны.
Вот и сто...
Как же долго мы, море, живем...
Когда настанет время расстаться с теплом,
Бесконечною жизнью ты будешь шуметь,
Твой песок будет так же прекрасно гореть,
Будет снова шестнадцать тебе и ему,
Мальчугану — ровеснику твоему.

* * *

Прошедшее…
Настоящее…
Будущее…
Не напрасно ль усталый учитель
из деревенской школы
Пытался вдолбить в наши бедовые головы,
Что
и прошлое,
и настоящее,
и будущее —
времена глаголов.
«Понятно?» —
«Конечно! Все просто и ясно!..»
А время было и так прекрасно
Безо всяких этих глаголов.
Ведь мяч летал во дворе у школы,
И небо бодал, улетая за тучи,
И мы находили его за забором.
А если день уплывал за горы,
Другой наступал.
И был еще лучше.
И мы о прошлом думали мало.
О будущем думали лишь единицы,

Ведь день был меньше клюва синицы,
Его всегда и так не хватало
На мяч, на рыбалку, на пряталки, на
Глагольные времена.

* * *

Сердце —
белый прибрежный песок.
Быстрой тенью его гладит чайка,
Залетевшая с моря случайно…
Сердце — белый прибрежный песок
Весь в следах чьих-то лап, чьих-то ног…
За волной посылая волну,
Море дарит ему белизну…

* * *

«Не оглядывайся!» —
Слышу я за спиной.
Это море боится, что прошлое снова
Возвратится ко мне…
Что за странное слово —
«Возвратится»…
Как будто бы есть путь иной.
Мы ведь можем уйти от всего, но никак
Не уйти нам от прошлого…
Я возвращаюсь
В день вчерашний.
Гляжу, ничего не касаясь, —
Приближаю к глазам каждый малый пустяк…
День прошедший — прошел?!.
Но сегодня река,
Что вчера была тоненькой струйкою влаги,
Превратилась в поток и ревет в берегах.
Смыл поток все мосты, как полоски бумаги.
Потому-то пошел я вдоль берега, но
Брода не было.
К морю я выбрался вскоре
И увидел тебя…
За моею спиной:
«Не оглядывайся!» — шепчет глупое море.

* * *

Есть Черное море.
Есть Белое море.
Но есть еще черно-белое море —
Соленое море Памяти…
В него старик выходил с товарищем,
Говорил: «Помнишь?», как подымал парус.
И друг — ровесник добавлял: «Тогда еще…»
Как это прекрасно — память и старость…
Старик улыбался: «Действительно, было…»
А потом на Земле родилась могила…
Лодке, лежащей на дне в тишине и покое,
Парус не нужен — он только преграда для рыб.
Замер в молчаньи старик, и море другое — чужое
Видится в черном прибое распластанных глыб.
Небо, лишившись одной из опор,
опустилось на плечи.
Как же ему одному эту тяжесть нести —
Вечен он, что ли… Да нет же, конечно, не вечен…
Долго не мог он от этой могилы уйти,
Долго стоял, но потом, словно что-то припомнил,
Вышел он с кладбища, словно на берег ступил,
И возвращаясь домой,
так светло и отчетливо понял —
Ждет его море все в мачтах плывущих могил.

* * *

Колыбельный напев
поздней ночью меня разбудил,
Он возник за стеной, только мне показалось,
Что в сердце.
Он над миром летел и до звезд восходил,
И они засыпали.
А мне ни заснуть, ни согреться…

Если б кто-нибудь знал, отчего в поздний час
Вдруг проснулся малыш, что могло ему сниться?
Колыбельную петь и кроватку качать,
Что еще может мать, если сыну не спится?!

Колыбельная тихо уснула в ночи.
Все уснуло…
А мне почему-то тревожно —
Может, именно я был одной из причин
Пробужденья ребенка…
Возможно… возможно…

* * *

Послушай, жизнь,
я не прошу о многом —
Наивно это было б и смешно…
Она в твоих руках, но, ради бога,
Не можешь всю, оставь хотя б одно —
Ту родинку на матовом плече.
Когда настанет время возвращенья,
Она вернется,
призрачным свеченьем
Поднимется из памяти — со дна
Большой реки, где столько лиц сокрыто,
Событий столько в иле дней зарыто…
Как мне узнать тогда —
вот и она!..

* * *

Молчала ты…
Так в ожиданьи ветра
Молчат моря молчанием глубин.
Молчала ты…
Так в ожиданьи солнца
Молчат снега заоблачных вершин.
Молчала ты…
Так в ожиданьи птицы
Молчит небес прозрачнейшая синь.
Но я вошел в молчание твое…
И на лице уже улыбка моря…
В глазах твоих — сияние нагорий…
И в голосе, нет — в птичьем разговоре,
Разбуженного неба высота.

* * *

Двадцатилетней, Господи, прости…
Ф. Искандер

Текут ручьи агатовых волос.
Стекая по подушке, тихо льются.
Спит дочь Творца.
Уже не видно звезд.
Мгновение — и облака зажгутся.
И серп луны все тоньше, все бледней,
Плывет уже, чуть моря не касаясь…
Но спит она, нисколько не стесняясь
Прекрасной обнаженности своей.
Почти недвижна. Только трепет губ…

Что за слова сейчас с ее дыханьем
Слились в безмолвный радостный испуг?
Что за слова — прощения? прощанья?..
Быть может, благодарность воздает
Тому, кто одарил ее красою,
Тому, кто всю прекрасную ее
Задумал как-то именно такою…
А может быть, прощения слова
У губ ее неслышно замирают
За то, что красоту свою сжигает…
А есть ли у нее на то права —

Она была ниспослана сюда
Сжигать сердца безжалостно и чисто,
Сжигать, не загораясь никогда,
Сжигать, не допуская в сердце искры.
Сжигать сердца — и серебристый дым,
Их легкий прах дарить ветрам и водам…
Сошла с небес, но с первым же земным
Зажженным сердцем запылала с ним,
Забыв свою небесную природу.

* * *

Мгновение, когда природа спит,
Тогда любое слово — звук ненужный.
В безмолвном изумлении молчит
Моя душа, гармонии послушна.
Спокойно спит река.
В прозрачный лик ее
Гляжу,
И проплывают предо мною
Все сны ее:
Ночные облака,
Слегка посеребренные луною,
Меж ними звезды
И сама луна…

Молчанье это звуком не нарушу —
Любое слово, что покинет душу,
Разбудит реку.
Чутко спит она…

* * *

Я думал, ты стоишь передо мной…
А ты на самом деле уходила…
Тогда я брал бумаги лист, чернила
И рисовал тебя. Рисунок мой
От времени истлел и стал золой.

Ты с горечью смотрела мне в лицо.
Но думал я — ты просишь о прощеньи,
И рисовал тебя, твое смущенье
Я на песке. Но сыпался песок,
Не в силах сохранить твое лицо.

Твои глаза «прощай!» кричали мне.
Но слышал я совсем иные речи,
И эту радость, эту нежность встречи
Я изваял на каменной стене.
Но шли века…

И ныне гор тех нет…
А ночь пройдет, и утром образ твой
Я вырежу по хрусталю рассвета,
И выйдешь ты из призрачного света
И радостно замрешь передо мной.

Так навсегда вернешься ты домой.

НА БОЛЬНИЧНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Разве вы знаете, что
Вы пронесли на носилках?
Это мир. Целый мир убитый,
Простынею белой укрытый.

Не умещался в мире
Тот мир, прекрасный и пылкий,
Он так теперь уменьшился,
Что весь уместился в носилки.

Огромный, трепещущий, нежный,
С улыбкой лучшей из женщин,
Мир человека уходит,
До размеров носилок уменьшен.

Под грубый смех санитаров
Я к холодным перилам прижался.
Мир опускался по лестнице,
По которой я подымался.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Когда уже надежды нет
И кажется — конец,
И над тобою лунный свет —
Всех дел твоих венец,
Почти у самого лица —
Зачем же так близка! —
Посадочная полоса
Возникла, как тоска…
Легко б земли коснуться…
Нет!
Возможно лишь упасть.
Что ж, вновь лети
сквозь лунный свет…
Но просто так пропасть
Не сможешь ты.
Пусть свет луны
Зовет, а под крылом
Всё не видны и не видны
Аэродромные огни —
Да есть ли вообще они?!
Как на небе светло…
Но есть Земля. И должен ты
Назад вернуться к ней,
Ее коснуться, как цветы

Касанием стеблей…
А нет, так рухнуть с высоты
В ночь без посадочных огней,
От боли вскрикнуть вместе с ней…
Но без земли не можешь ты.

* * *

Кружится, кружится, кружится лист,
Сорванный ветром осенним,
В небо стремится, а падает вниз,
Ибо земли притяженье
Все же сильнее желанья его
В небе высоком остаться…

Холодно мне… Ничего, ничего —
Главное — не поддаваться.

* * *

Какая мука знать, что каждый миг
Мгновение спустя вольется в вечность
И станет памятью…
Тогда душу я крик:
«Остановись, мгновений быстротечность!..»
Воспоминанья — только миражи…
От холода идущих мерно буден
Они спасут тепло моей души,
Но не согреют — согревают люди.

Стекающая в океан река
Не отразит небес
своих истоков —
Другая синь, другие облака…
И в памяти останется немного —
Не этот день, а только контур дня…

Друзья мои, живите, не старейте,
Не уходите в память от меня,
Мой каждый день, мой каждый миг согрейте…

* * *

Когда человек остается навечно
В родимой земле, между белых корней,
Не думай, что там ему, смертному, легче,
Чем было…
Не думай, что в долгом том сне
Найдешь ты покой, все живущим оставив, —
Ушедшие вместе с живыми хранят
Планету.
И кости умерших врастают
В родимую землю.
Без них бы Земля
Рассыпалась в прах…
Если море с волною
Уносит от берега малую пядь,
То значит, те люди, чьей вечной судьбою,
Работою было ту пядь охранять,
Отмечены были погасшей звездою…

* * *

Спит берег, разметавшийся во тьме,
Как девушка, заснувшая под утро.
Волна приносит белые цветы
И на песке прохладном оставляет,

С шипеньем отползая.
И трава
С плеча сползает,
Обнажая горы…
И легкий, словно выдох, ветер с моря
Касается травы… И мгла тепла…
И чуть видны уже мои тревоги —
Ведь между нами годы, годы, годы…

* * *

Стальным клинком из ножен
Скользит рассвет из моря.
Сегодня, как вчера, столетья напролет
Я вижу девушку у самого прибоя —
Она одна. Она стоит и ждет.
Как парус — платье в тишине безмолвной -
Прекрасный парусник, зарывшийся в песок.
И ничего ей не приносят волны,
Лишь смерть
свою
кладут
у самых
ног.

* * *

Как трудно найти человека, когда он
Не слит воедино, когда он представлен
Во всех проявлениях бытия...

Тогда он не может сказать: «Это — я!»
Он — запах цветов.
Он — цвет волны.
Он — камень в горах.
Он — отблеск луны
В волне…
Но вот внезапно приходит Она,
И становится частью его — волна.
В нем реки текут и горы стоят.
Тогда говорит человек: «Это — я!»

КОГДА ТЫ СПИШЬ…

В полночь ветер касается моря…
Он трогает волны,
Как гитарные струны…
Но пока еще море безмолвно —
Тишина еще тише,
Бездомней…
Это — миг зарождения песни…

И для тех, кто уснул,
Кто уже никогда не воскреснет,
И для тех, кто еще не уснул,
Над бесшумным дыханьем прибоя
Поднимается песня
Из бездонной души моря…

Но напрасно я ждал,
Что тебя эта песня разбудит…

* * *

Река мелеет, обнажая дно,
И море, высыхая, отступает,
Еще мгновенье, и уйдет оно…
Но тут тепло на горы опускает
Свои ладони…
Горные снега
Водою наполняют берега…
Когда уходит счастье, и душа
Почти пуста, и сердце пусто бьется,
То Родина спокойно прикоснется
Рукой лозы — дотронется до лба,
И ты поймешь —
Не кончена судьба.

* * *

Смерть,
то с пулею свинцовой,
то со стершейся подковой,
то с кипящею рекой,
то с пучиною морской
Породнится на мгновенье,
И уже не жди спасенья.
Вот она ласкает камень,
Тот, что раньше спал веками
На вершине.
Он летит
Путника убрать с пути.
Но неточно…
И по склону,
Потерявший благосклонность
Смерти,
Катится валун,
Падает в ущелья мглу.
Он не страшен, но другой
Чуть качнулся над тобой…

ДВЕ МОГИЛЫ

Тише… когда умру…
Федерико Гарсиа Лорка

1

Ты, идущий мимо этой могилы,
Тише!
Здесь
Камень надгробный от мира укрыл
Того, кто истратил последние силы,
Жизни бездонную чашу до дна осушил.
Когда над миром тишина, ты тут
Замедли шаг.
Коль ждут тебя — так подождут.
Ты должен не спеша
Пройти,
Чтоб шум шагов твоих
Не пробудил его.
Впервые он совсем один.
Не потревожь его.

Устав смертельно, спит он. Пусть
Сон этот будет крепче —

Под эту жизнь —
Под этот груз
Опять подставить плечи
Так тяжело…

2

Ты, мимо этой могилы идущий,
Тише!
Здесь
Камень надгробный от света укрыл
Того, кто от жизни глоток лишь отпил —
Поцеловал родничок бегущий.

И не в отдых ему этот вечный покой.
Вдруг проснется он, помнящий солнце и небо,
Ослепит его тьма — он не видел такой…
Пусть же спит он, и снов его небыль
Продолжает сиять в этой горестной мгле.
Он оставил друзей на высокой земле.
Пусть же сон его будет глубок,
Пусть не знает, как он одинок.

НА РАССВЕТЕ…

«Его убили на рассвете» —
так названо стихотворение Гарсиа Лорки…
…и его убили

На рассвете.
Край неба кровав…
Красная всходит трава…
На рассвете
Можно назвать восходящую кровь
Обыкновенной зарей
Над землей.
А с зарей
Солнце приходит…
Но кровь — это кровь.
Тело для крови — единственный кров…
Рыбой на суше,
Птицей в воде
Кровь, разлученная с телом…
Но здесь
Ей не остыть —
К ней трава припадет —
Крови тепло не пропадет,
Все сохранит трава…
Утро… Край неба кровав…

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

В тот день
впервые
Солнце коснулось
Глаз моих.
Только
Не был
Рождения днем
Этот день…
В тот день приходили
К отцу, чтоб поздравить
С рождением сына.
Но не был
Рождения днем
Этот день…
Когда на закате
Простился я с солнцем
И поутру встретил его –
Тогда я родился…
Когда я пошел
По дороге из дома
С мыслью
Сюда возвратиться –
Тогда я родился.

* * *

К чему ни притронешься ты —
Становится бренным
И тленным.
Но, Время,
Мой двор обойди:
Оставь мне его
Неизменным.
Бегущий за бабочкой сын,
И матери
голос зовущий —
Пребудет пусть вечно,
Как синь,
Пусть будет
живым
И живучим.
Здесь братья
И сестры живут.
Поверив
В незыблемость тверди,
Их ноги босые несут
Прочь от старенья
И смерти.
Полянки
зеленый простор

И свет,
Что струится сквозь крону…
Весь мир,
Заключенный во двор,
Тобой
да не будет он тронут.
Здесь
зиму
Пусть сменит весна,
А лето —
Прохлада осенняя.
И все.
И вовеки не знать
Иного
двору
изменения.
Привычные дни
чередой
Плывут пусть
Привычно
в потемки.
Единственной тут новизной
Пусть новые будут
потомки.

РАССВЕТ

Сперва — светленье,
А затем — светанье.
От темной ночи
Нету и следа.
Рассвет вернул
Природе очертанья,
Вернул природе
Прежние цвета.
Вы те же, горы?
Вы, долины,
Те ли?
Тесна для песни
Что-то стала грудь…
С тобою мы
На сутки постарели —
За сутки дети
Выросли чуть-чуть.
Они встают.
Им все на свете мило.
И до чего тепло,
Светло, свежо!
Их радует,
Что мне уже постыло.
Им прибыло,
Что от меня ушло.

* * *

Мир не знает беды…
Руки человека
Продолжены ветвями,
Силой корней
Он утвержден на земле.
Шелест листвы
Станет вовек
Языком человека.
Мир не знает беды…
Прохладой скользящая
Между ветвей,
Ни в чем,
кроме юности,
Не повинная,
Тайны которой
Хранит листва, —
Природа не знает увяданья.
Весной
прежде всего
Наша юность вернется.
Цветы,
что раскроются —
Наши счастливые дни.
И мы —
утопающие

В этих цветах…
В мире,
    не знающем беды,
Где все живут
Душа в душу,
В мире, забывшем беду,
Береженный, сижу я
Под граба языческой сенью.

СУДЬБА

1

Один
суховеем
Проходит по жизни.
Там высохли травы,
Где он проходил.
Другой же
промчался
Дождем по отчизне,
И хлынули травы,
Как волны,
за ним.
Иному и жизни
Никак не хватает,
Чтоб людям
открыть
И оставить родник.
Другой —
тот родник
Для себя осушает,
Другой,
кто болеть
За других не привык.

Он, может, решил,
Что с годами сотрется,
Забудут,
Лишь стоит
Тебе умереть…
Но нет –
Он останется,
Он остается –
Нестираемый
Жизни след…
Тут смерть –
не поможет.
И раз ты родился,
По жизни тебе
Не пройти без следа:
Добро или зло
Ты оставишь на лицах
Людей,что запомнят
Тебя
навсегда.

2

Одни пожелают,
Чтоб солнце
Ласкало им веки

В тот час перед смертью,
В тот самый
Удушливый час.
Другие — чтоб песня
Над ними
Качала бы ветки,
Чтоб мягким
Сквозь песню
Послышался смерти наказ.
Но кто виноват,
Если жил ты,
Окно занавесив,
И солнце
с тобой
Не простилось
В предсмертные дни?
Но кто виноват,
Если ты
Недолюбливал песни
И не прониклись
К тебе
состраданьем
они?

И вот
Появляется смерть

Над твоим изголовьем.
Ты просишь судьбу,
Чтоб не слышать
Дыханья того.
Судьба же — бессильна.
Спасительны —
Солнце да песня,
С которыми
общего
Ты не имел ничего.

* * *

Издалека
Шла в город темнота.
Спускаясь с гор,
Уже брала районы.
И город быстро
Зажигал огни,
Панически
Включая лампионы.
Держалось небо
На столбах из света.
Под этим сводом
Город не спокоен.
Дороги здесь
Сшибались,
Разлетались,
Задумывались,
Проносились с воем.
Одни, сойдясь,
Уже лились широко
И путник, словно
Одолев стремнину,
Вновь попадал
В сплетенную из улиц
Коварную и злую,
Паутину.

ЗВЕЗДЫ-СЛЕЗЫ

Небо звездами плачет,
Слезы капают — звезды.
Чьи-то кончились грезы,
Он погиб — не иначе.
Небо звездами плачет,
Звезды льются и меркнут.
Их сдержать — человеку.
Небо
    горя не прячет.
…Вот заря засветилась.
Отчего так легко?
Чудо!
Ничего не случилось!
Чудо!
И не умер никто.

* * *

В черноте ночи
мои мелькающие пальцы
подобно молнии,
расплетая черные косы твои,
горят…
биение сердца моего —
что громче грома сейчас —
на кончиках пальцев моих,
как на стеблях,
загорается красными цветами…
птицы оборвали песню свою
на самом чудном месте…
застыли два цветка,
склонив друг к другу маковки…

* * *

Я осенью двинусь,
Как птицы, которым
Лететь в незнакомые
Дальние страны.
Я осенью двинусь…
Так листьям кленовым
Прощанье с ветвями
Не кажется странным.
Уйду,
Чтоб как птицы,
Вернуться весною,
Небесную вновь
Одолев переправу.
И встретятся снова
Деревья с листвою
По самому лучшему
В мире уставу.
Дорога сквозь зиму
К родному порогу –
Она сохранится
Во что бы ни стало…
Лишь я
Потеряю, и эту дорогу,
И все,
Что застынет
Во взоре усталом.

ЗИМА В САДУ

В саду звучали песни,
Но этих песен нет.
И мчавшейся к полесью
Простыл тропинки след.
Здесь холодно, как в стужу,
А был ведь май, а был…
Но этот иней
душу
Твою посеребрил.
Он так жесток, тот холод,
Что не поможет мех.
И плачешь ты не в ворот,
А горько плачешь в снег…
И солнце стороною
Обходит этот сад.
Короткою тропою
Оно спешит в закат.
Теплом не удручены,
Пока еще крепки
Сосулек истонченных
Прозрачные клинки…
Я знаю,
Ты желаешь
Весне вернуть права.

Но снег лежит,
Где раньше
Была трава,
Трава…

ГОРЫ

Вы видели сны
Или вовсе не спали?
Глазам вашим
Больно,
наверно,
Смотреть…
Степные,
видать,
Полюбились вам
дали
И хочется вам
Расстелиться,
как степь..
Не думаю. Нет.
Я тревожусь напрасно:
Вам с небом
И звездами —
Не разойтись.
Зачем вам
чужое
Пустое пространство,
Имея прошитую
звездами
высь!..
Что мал этот край —

Затертая фраза.
Сомкнувшись в цепи
Все
  как один,
Вы недосягаемы
Даже для глаза,
Глядящего
      в сторону вашу
С равнин…
Как будто не спали вы,
Милые кручи.
Я вижу тревогу
Доверчивых глаз.
Быть может,
      приснились вам
Черные тучи,
Взращенные
Пыльной
      равниной
            для вас!

МОРЕ ОБИДЫ

Море — ты обида
Горькая моя.
Чаша той обиды
Льет через края.
Тем, кто вечно зарился
На мою Апсны,
Помогло,
Чтоб черные
Их свершились сны.
Я б предал забвению
Эту старину,
Я б хотел до времени
Снять с тебя вину.
Ты ж бросалась алчно,
Все вокруг губя!
Ты вовек не снимешь
Той вины с себя.
Черные дороги
Морем шли во мгле.
Дальше суша, дальше
Шли они по мне.
Море — ты обида
Горькая моя.
Чаша этой горечи

Льет через края.
Мы с тобой соседи
На земле одной.
Только
больше близости
Нет у нас с тобой.

Море — ты обида…

МОНАСТЫРЬ

Женский полк, в котором воевала славная летчица Мери Авидзба, располагался в бывшем женском монастыре

Здесь,
В монастырских кельях,
Жили прежде
Сестрицы,
Что молились
Ночь и день.
И, облачившись
В черные одежды,
Себя до срока
Обращали в тень.
В тот монастырь
Военная дорога
Безбожниц полк
Однажды привела…
Нет в небесах
Ни ангела,
Ни бога —
Кругом огонь,
Убийство
И война!

Отсюда небо
Было очень близко,
И поднимаясь
С гулом в вышину,
Они с войной
Ценой кровавой риска
Вели войну,
Чтобы убить войну.
Они летели
Ангелами мести —
Крылатая
И светлая семья.
О дочерях своих
Недоброй вести
Страшилась
Беспокойная земля.
Они домой
Спешили издалека,
Живыми
Или мертвыми —
Домой!..
Нет в небесах
Ни ангела,
Ни бога.
Там было все
Заполнено войной.

МОЯ ВИНА

Еще свежа
Во мне моя вина…
В мой дом
Вернулись ласточки.
Их племя
К нам прилетает
Не на год,
На время.
А я забыл о том…
Пришла весна.
Сквозь щебет птиц
Я крикнул вдруг
В сердцах:
«Довольно! Надоели!»
И рассветом
Пустел мой двор
И наполнялся ветром.
А ласточки
Исчезли в небесах.
Душа моя
Осталась, как гнездо,
Покинутое ласточками в доме.
Оно мне
Показалось разоренным,
Хотя его

Не разорял никто…
Летать я не умею,
Ждать — могу.
И вот я жду
Весну мою унесших
Тех ласточек,
Самозабвенно певших.
Тех ласточек,
Что в сердце берегу.
Я сам не защитил
Свою весну.
И ласточки
Ее с собою взяли,
И ласточки
Ее не возвращали.
Я их искал.
Я знал свою вину.
В прохладе леса
Листья лишь кружат,
Нет ласточек —
Одна пустая просинь.
И знаю я,
Что тут виной
Не осень…
Вина моя
Во мне
еще свежа.

ДОРОГА

Передышка — недуг.
Остановка — погибель.
Жизнь? — Не терпит застоя.
Она живет
Только в ритме,
Названье которому —
Время…
Направленье дорог —
Это Север и Юг,
Это Запад, Восток.
А дорогу саму
Выбирает цель человека.
Тропинку,
Проселок,
Большак…
Только разве мертвы
Те, что вне этих дорог?
К небу
Тянутся
Ветви.
Разве есть
Лучше этой
Дорога!?
Неподвижны деревья,

Но проходят сквозь годы.
Неподвижны они,
Ежегодно
Приводят весну.
Стоя так,
Без движенья,
Корнями
Проходят к столетьям.
Нам с тобой
Не угнаться,
Как бы мы
Ни спешили
Им вслед…

ОЩУЩЕНЬЕ ВРЕМЕНИ

Опостылевшим спуском,
Бесконечным подъемом
И скучным
Или солнцем недвижным,
Несносным в сияньи своем,
Стала жизнь для тебя…
Как медлительны,
Как неразлучны
Муки с сердцем твоим…
Мы ж — недолго на свете живем.
Это трусость тебе
Не дает оборвать эту муку.
Ты — беспарусный челн,
Много робости
В сердце твоем.
Длится жизнь твоя
Неизлечимым недугом,
Бесконечным.
А мы…
Мы недолго на свете живем.

* * *

Лопнула почка,
Как взорвалась
Цветом зеленым.
Детям на радость
Этот год
Будет фруктовым.

Серую тучку
Солнцем сожгло:
Вспышка — и нету.
Значит, сегодня
Детям играть
Долго, как летом.
Нету взрывов других на планете.
Нету вспышек иных на планете,
Дети!

Яблоко звонко
Упало в траву
С ветки тяжелой.
Яблоко в мягких
Руках малыша.
Мальчик — веселый.
Выпал в траву,

Не ушибся птенец,
Не потерялся.
Это заметив,
Малыш заревел —
Так испугался.

Нет происшествий в мире других,
Бед и волнений нету иных.
Светится земля на ветке мирозданья.

НЕ ПЛАЧЕТ БЕРЕГ

Пустынен берег,
Но не плачет он.
Он одинок,
Но полон ожиданья…
Играют чайки
С волнами далеко…
Не плачет берег,
Потому что ждет…
Вернулись чайки,
Усыпав густо берег,
Прибрали зябко
Утомленные крыла.
За ними вслед
В песок упали волны,
Распластав
Обессиленную пену.
Плачет берег, которому
Чайки и волны
Не радость свою принесли,
А усталость.
Они отдохнут
И снова займутся весельем.
И берег пустынный
Их будет по-прежнему ждать.

МНЕНИЕ

«Из всех живых
Прекрасней нет меня!» —
Давно себе
Признался человек.
«Я дал вторую жизнь Природе!» —
Так заявил
Опять же — человек.
«Сильнее силы Человечьей — нету!» —
Пришел к такому Мненью человек.
«Мой разум, мысль моя
Горят, что солнце!» —
Так о себе
Воскликнул человек.
Но он не знает,
А согласны ль с этим —
Цветок,
Травинка,
Дерево,
Скала…
Прислушайся!
Пусть и не примешь к сердцу,
Прислушайся,
Каков же ты для них.

ПСХУ

Бзыбь с корнями несет
Сквозь глухие
Ущелья и веси
Ствол могучий,
который
С рекой уплывать
Не хотел.
И дымки очагов
Не к добру
Над домами исчезли:
Вереницы людей
Покидают родимый предел.
Растеряли богов,
И игрушкой
Стала святыня.
Пепелищем сырым
Стал
гудевший от жара очаг.
И у всех на устах —
Милой родины
Горькое имя.
И у всех
На челе —
Отлученья от родины

Знак.
Слышно ржанье
И вой
С опустевших холмов
И нагорий,
Провожают гонимых
До дымных
Морских берегов.
И лежит перед всеми
Воистину
Черное море,
Как бескрайний погост
Без надгробий,
Без плит,
Без крестов.
И стою я у Бзыби,
И вижу —
Уходят, уходят,
Отодрав от земли
Все,
чем связаны
Были они.
И несут на руках
Малышей,
Но на них и не смотрят.
Ну, а смотрят куда —

Там лишь волны,
И волны одни.
И стою я над Бзыбью,
Пришедший в пустую обитель,
Поднимаю земли
Не узнавшей руки моей
Горсть.
Как вернувшийся сын
В дом,
        который
Покинул родитель,
Где сегодня уже
Я, быть может,
Непрошенный гость.
Я стою среди гор,
Никогда у которых
Я не жил.
Как мне холодно здесь,
Кто б сиротство
Мое отогрел.
Все мне видится дым
Очагов,
Не при мне догоревших…
Вереницы людей
Покидают родимый предел…

ЗЕРКАЛА

Заставлен
зеркалами
взгляд.
Куда идти?
Стоишь в опаске.
И вместо лиц
Сплошные маски
Ухмылкой душу
леденят.
Где выход здесь?
Где тут окно?
Как безысходно все,
Бессвязно.
«Иди сюда!» —
Но не дано
Понять,
Где менее опасно.
Вот он,
Чей голое
Слышал ты,
Идет
из зеркала
навстречу,
И ты спасения предтечи

В нем видишь
светлые черты.
Но он суров,
Безмолвен он,
И на устах его
Сомненье:
Помочь тебе
Иль дать,
Чтоб сон
Ужасный
Получил продленье.
Друг другу
Тянете вы руку.
Вы так близки…
И далеки,
Что сквозь
Зеркальную разлуку
Вовек не дотянуть руки.
…Затея вроде бы ясна.
И пусть твердят,
Что хохот — лечит,
Вы не смеетесь.
Не смешна
Бесчеловечность
Вашей встречи.

ПЕСНЯ ЖАНЫ АЧБА

Нас нету! Ходят по земле
Отброшенные нами тени
С туманным знаком на челе
Раздумий наших и смятений.
Что ненависти узкий глаз?
Страстей самолюбивых свалка?
Мы тени. Не пугает нас
В нас злобой брошенная палка.
Любимые, в тени ночей
Вы наши тени целовали
И, как одежды прежних дней,
Не нас, вы тени покидали.
Но было: в смертный час, в тиши,
Когда рыданья замолкали,
Сквозь тень — черты живой души
Для многих зримо проступали.

* * *

Я засыпаю. Исчезаю я.
И в этой душной тьме небытия
Другое Я восходит над землею.
Другой уходит птицей в синеву…
И черным камнем падает в траву
Не я — другой…
И это не за мною,
А за другим погоня.
Он бежит.
Вот он уже
Почти прорвал заслоны,
Но степь становится
Вдруг каменистым склоном,
И тот, другой,
Затравленный лежит.
Все это происходит не со мною —
В его руках цветок шипит змеею.
Я только сплю. Я — часть небытия.
Страдает тот, другой, совсем не я.
Он одинок. Он, а совсем не я.
Мольба о помощи его,
А не моя.
Но с пробуждением моим
Спасется он,

Чьей долгой жизнью
Был мой краткий сон.
Ушел.
Но жизнь его — добро и зло
Мне от него
В наследство перешло.

* * *

Небо застило
Черным,
тупым вороньем,
Ну а мы —
    словно тени
Их крыл распростертых.
Мы расстались с тобой?!
Мы будем вдвоем?!
Ты молчишь.
И кричу я
В молчании мертвом:
«Дорогая!
Как страшно
Парит воронье…
Нам пора возвращаться,
Мы слишком высоко…»
И от слов твоих
Тени легли на дорогу,
Тени тысячи крыльев
Накрыли ее.
Дорогая!
Пусть жизнь наша
Трижды горька,
Все равно это жизнь!

Тьмы в ней меньше,
Чем света.
Не по черному небу
Плывут облака.
Небо синее.
Я докажу тебе это,
Я сегодня же
Воронов всех разгоню.
Это небо не их.
А наше с тобою.
Мы же молоды. Молоды!
Если ж судьбою
Нам дано разойтись,
То и там, на краю
Пропасти
Небо нам нужно обоим.

* * *

Человека следы
Глубоки,
словно горе.
Снег растает весной,
И растают следы…
Рядом с ними бежит,
С одиночеством споря,
Волчий след,
Как неслышное
Эхо судьбы.
Может быть, человека
Преследуют волки,
Может, волка
стремится
Догнать человек?
Тайна скрыта в снегу,
Леденящем и колком,
И об этом никто
Не узнает вовек.

* * *

Ветер ставни листал
В растревоженном мирозданьи,
Деревья льнули друг к другу
От страха перед грозой.
Чуть побледнев
От долгого холода
И ожиданья,
Губы любимой
Раннюю осень
Делили со мной.
Черное небо
Пересекали ночные зарницы.
Гром грохотал
И тучи вздымал над людьми.
Губы молчали.
Но мысли мои
Улетали как птицы,
Чтоб разузнать
О великом значении
Слов о любви.
Глупый философ,
Я тщетно искал
Подходящих сравнений,
Тщился понять,

Что таит в себе
Дивная эта пора.
Вечность, умелой рукой
Сотканная из мгновений,
Время, в котором Завтра
Явственней, чем Вчера.

Мысли мои возвращались устало
С нелегкой работы,
По полу мокрые крылья
Они волочили с трудом.
Но, озаренные светом любви —
Наивысшей свободы —
Меня от молчанья освобождали,
От сумерек — дом.
Кто бы подумал,
Что трудное счастье
Так просто открыл я?

Остановилась земля,
Замолкли надолго часы,
Чтобы Любовь, заменившая
Самые легкие крылья,
Вынесла нас
Из угрюмого мрака
Осенней грозы.

ЦЕНТР ЗЕМЛИ

В пустыне песчаной
Ты мог бы родиться абхазцем,
На Севере дальнем,
Вовеки не знавшем весны.
Но ты не сумел бы,
Но ты б
Не посмел там остаться
Узнав, что ты — кровь
От безудержной крови Апсны.
Но ты ведь родился
Не на чужбине,
А здесь —
На Родине,
В центре земли,
В самом сердце Вселенной.
И с матери песней
Услышал ты Родины песнь,
Глаза распахнув —
Родное увидел селенье.
Но все, что ты видишь,
Пока просто горы и дол:
Земля под ногами
Становится Родиной позже.
Впитаешь ты сам,
Как соки — дерева ствол —

Ее ощущенье.
Оно ни на что непохоже.
И с этого часа
О ней будешь помнить всегда.
Найти нелегко
Дорогу к сердцу Отчизны.
Отчизна сама
Сквозь жилы
Проникнет в тебя.
И выйдет затем
Лишь с последней
Капелькой жизни.
В любви обделенной
Ей никогда не бывать.
Всегда есть кому
Погибнуть во имя Отчизны.
Она не умеет
К себе равнодушных прощать.
И нет ничего,
Страшней ее укоризны.

Ежели бросишь
Свою престарелую мать,
Искать она станет
Тебя незлобливо по свету.
Но если Отчизну
Однажды посмеешь предать,

Поймешь, что дороги попятной
На Родину — нету.
Слепо материнство:
Ты отступил,
Уступил,
Смирился и скрылся,
Укромное место найдя.
И мать успокоилась.
Матери — лишь бы ты был.
Но Родина
Большего все же
Ждала от тебя.
А гордые горы —
Они над тобою стоят.
Глаза опусти:
Величье их
Не без причины —
Они встречают рассвет,
Провожают закат
И взглядом державным
Глядят с высоты на долины.
…Зовет тебя в горы
Не страсть любопытства,
Не слава.
И сам ты не знаешь,
Что тянет тебя на вершины.

Идешь ты покорно,
Родители будто зовут,
По тропам, которых
Страшатся иные мужчины.

Взбираешься ты,
Доверившись горной тропе,
Не зная про страх,
В тумана идешь круговерти.
И скорая гибель в горах
Гораздо понятней тебе
Трусливо в долинах
Прожитых десятилетий.
Сквозь камень горы
Стремится к высотам вода,
Чтоб ближе к вершине
Ручьем говорливым пробиться,
Вдохнуть высоту,
Вобрать синеву
И тогда,
Скользнув по скале,
В ущелье опять устремиться.
Услышал ты зов,
Услышал будто во сне,
Хоть был он неслышным,
Как реющий в воздухе лист.

И ты устремился,
Доверившись гор крутизне,
К вершинам, где снег,
Как совесть народа,
Пречист.
Что горы?!
Громады из камня
Да снег.
И ничуть
В них нету души.
И лик ледниковый
Бескровен.
Но чтобы понять
Отчизны высокую суть,
Ты должен стоять
С седыми вершинами вровень.
И вот ты на гребне,
И жадно ты ловишь глазами
Все то, что всегда
В душе твоей отзвук найдет.
Отечества синий корабль
С зелеными парусами,
Он спущен на воду
И ветра попутного ждет.

СЕМЯ ОГНЯ
(фрагменты поэмы)

Держась за бабушку рукой одной, в
другой держал я маленький кораблик*.
Дмитрий Гулиа

1

Безбрежен мир.
И он вместил Апсны
С ее долинами
И морем,
И горами.
Но почему она
Среди весны
Горит огнем,
Огнем, а не цветами?
Пока что зыбкий,
Но уже стоит
Чужбины образ
Перед каждым взором.
Огнем объят
Отцовский дом горит,
И этот дым
Рассеется не скоро.

Ребенку все равно
В стихии той
Что с бабушкой,
Что с родиной расстаться.
Он цепко держит
Бабушку рукой,
И на земле ему
Не потеряться.
…Зловещий мир,
Круша и покоряя,
Абхазия,
Он поглотит тебя.
Но вырастет кораблик,
Распирая
Невольничьи
пределы корабля.

2

Мир чужедальний
Никого не спас,
Изгнанникам
Не подарил свободы.
Но свет ее,
Свет бабушкиных глаз
Лег на море

Дорожкой путеводной.
И вот вдали —
Черты родимых гор.
Целебней махаджиру
Нет лекарства.
И он тебя, Абхазия,
Читал
Как летопись
Лишений и мытарства:
«Абхазия,
Мой свет,
Моя страна.
Родимая,
Что так тебя тревожит?
Что ищешь ты,
Что потеряла ты?
Ужель ничто
Помочь тебе не сможет?»
Со мной любой
Разделит удивленье:
Была, Апсны,
Красивой ты всегда,
Хоть ничего
Кроме разоренья,
Тебе не приносила
Красота.

3

Отчизна, Бабушка —
Превыше всех и вся.
Кто понял это —
Тот уже великий.
И видишь ты
Дорогу бытия
Сквозь сеть морщин
На бабушкином лике.
Жизнь посвятишь
Земле родной.
Не пожалеешь сил
Абхазии любимой ради.
В Отчизне жить
Вблизи родных могил —
Превыше нет
На свете благодати.
Ты душу отпустил
Как птицу — ввысь.
Она к тебе
Вовеки не вернется.
Но ты спокоен:
Знойный день случись —
Она дождем
Прохладным обернется…

И жизнь одна,
И Родина одна.
И выбирать тут
Нечего, конечно:
Жизнь посвятить
Отечества судьбе, –
Чтоб вместе вам
Продлиться бесконечно.

4

Легла дорога
Сквозь ночную тьму.
Вдали горел огонь
Едва приметный.
И этот свет
Изгнаннику был всем –
Он был ему
Его мечтой заветной.
Он исходил
Из глаз родной земли,
Из глаз ее,
Разъеденных слезами.
Его задуть
Лишенья не смогли.
Надежда в нем

Искрилась угольками.
И в той надежде
Годы шли. Века.
Но и беде
Глумиться так доколе!
Наступит час,
И родины рука
Дотянется
До благодатной доли.
Ну, а пока
У смерти на краю,
В теснине мрачной,
Где темно и сыро,
Народ, что не устроил
Жизнь свою,
Ворочается больно
В теле мира.

5

В народе есть
Носители огня,
Хранящие в душе
Его простое семя.
Тебе — спасать людей,
И на исходе дня

Ты разведешь костер,
Когда наступит время.
Вернулся ты,
Вернулся в край родной.
Вот камень,
Вот зола…
Смотреть на них —
Мученье.
Ты возродил
Очаг затухший свой,
Вернув его
Горенью и свеченью.
Как сто веков назад
Костер горит,
Горит очаг родной —
Целебнейшее средство.
И тот, кто говорил,
Что здесь огню не быть,
Пришел-таки сюда,
Чтоб у огня погреться.
Огонь
В руках
Народа твоего —
Он ярче всех
Свидетельств и известий.
И правишь ты огнем,

И даришь ты тепло,
И никому
Не причиняешь бедствий.

** В детстве основоположник абхазской литературы Дмитрий Гулиа пережил трагедию массового изгнания абхазов в Турцию, получившего название — «махаджирство». Однако, спустя некоторое время родителям будущего поэта удалось возвратиться на Родину (прим. переводчика).*

ДЕНЬ НЕПРЕХОДЯЩИЙ

Взыскуешь то восхода, то заката —
и сходишь в скобках времени на нет.
Глядь — рановато,
смотришь — поздновато,
а там — и пропасть ночи…
Дайте свет!
Второго солнца
явно не хватает!
Когда охладевающий закат,
испепелясь, в пучинах моря тает, —
пусть новые лучи
в ночи
горят.
Второе солнце!
Первое сменяя,
оно сиять должно в твоем краю,
чтоб ясный светодень,
конца и края
не знающий, измерил жизнь твою.
Мне одного на небе солнца мало,
и небу недостаточно его.
Другого солнца мне недоставало,
еще,
еще хотя бы одного!

С ДУБОМ СГОРЕЛ

Ненастье… мрак…
Безлика смерть, и небо
земле не даст в глаза твои смотреть —
Горит священный дуб!
Достойней дуба
другим деревьям не дано гореть.
Кровь, может статься,
в жилах неба стынет
в попытке мир пустить на переплав.
Горит священный дуб!
Душа святыни
уходит ввысь,
из искр созвездьем став.
Ненастье…
Мрак…
Проступит образ Духа,
пока огонь сияет, трепеща…
К огню!
К огню!
У пламенного дуба
сгорев,
ожить,
пока горит свеча.

Другим деревьям этого не снится…
Пылает дуб.
До пепла.
До корней.
Его пыланье в солнце превратится,
а пепел — в землю,
замешавшись с ней.
И путник, забредя на холм устало,
где дуб и я
сгорели в мире гроз,
увидит вдруг
что солнце ярче стало
И холм от пепла нашего подрос.

ВЫБОР

Тебя волнует чья-то близость
к небесной бездне голубой.
Но человеческая низость
бездонней пропасти любой.

Ты, получерно-бело-крылый,
не в прахе и не на волне
и в усредненности унылой
чужд высоте и глубине.

Ты небо пропастью объявишь,
на сини тьму увидишь въявь
и бед на свете не убавишь,
по-дьявольски их осмеяв.

О крыльях думая веками,
ты — камень в шкурке моховой…
Меж пропастью и небесами
ты должен сделать выбор свой.

СТЕКЛО ЗЕМЛИ

Я чувствую, Земля — хрупка,
Земля — прозрачное стекло:
Взгляни в него — и даль близка,
И звезды, осмеяв светло
Печать избранника на лбу,
Предсказывают мне судьбу…

Я чувствую, Земля — хрупка…
Ни шагу сделать не могу
По тонкой глади, а пока
На месте, собственно, бегу,
И бег на месте — сущий ад,
И нет уже пути назад.

Я чувствую, Земля — хрупка…
«Вернись, вокруг тебя мертво!»
Кто мне кричит издалека?
То — голос детства моего.
Зачем тревожится оно,
Когда вернуться не дано?

Я чувствую, Земля — хрупка…
Дождь не впитается в стекло.
Там тени мертвых, их река,

Они ушли, им повезло.
Они скорбят о нас, и мгла
Проглатывает гладь стекла.

ДВЕРИ АБХАЗСКОГО ДОМА

«Да закроются навек
двери дома твоего!»
То проклятье, человек,
для тебя страшней всего.

Двери светятся во тьму
настежь путнику в пути.
В эти двери никому
с грязным сердцем не войти.

Двери — сила, веха вех,
и споткнется о порог
тот, на ком тяжелый грех,
тот, кто душу не сберег.

Ход к абхазскому жилью,
если грешен, позабудь.
Память потревожь свою:
кто тебя отправил в путь?

Стремя кто держал твое?
Говорил о чем вослед?

Льет абхазское жилье
на дорогу чистый свет.

А хозяин дома — он
провожать гостей не рад:
покидающих балкон
ласточек зовет назад.

РЕЗУЛЬТАТ

Что результат?
Заботы дух бескрылый
спускает небо до земного быта,
земля уходит в землю,
став могилой,
в которой столько музыки зарыто.
Смерть —
результат быстротекущей жизни.
Мы все уходим
в зарево заката.
А все-таки,
пока не время тризне,
пой песню,
где ни звука результата.
Иди во власть прекрасного цветенья,
которое — в итоге — увяданье.
Из пламени зари
бесплотной тенью
войдешь в огонь бесплодного свиданья.
Померкнет и мечта о птице синей,
и розовая память об отчизне
в огромном небе,
как в земной долине.
Жизнь — результат быстротекущей жизни.

БЫЛИ-НЕБЫЛИЦЫ

Даром слезы проливались
в море дыма, где отважно
рыбки искорок кидались
на крючок цепи очажной…

Под косыми парусами
плыли были-небылицы.
В вымысел вросли мы сами,
чтобы с вечным небом слиться.

Мясо наших бедер горшим
станет видом угощенья,
но, его отведав, коршун
нас выносит из ущелья.

Сто голов — растет — замена
той, что полетела в ноги…
Семь дорог в одну мгновенно
мы сплетаем по дороге

для коней сказкорожденных,
на которых лихо скачем, —
зло от нас на горных склонах
отстает с тоскливым плачем…

Петуха ругнув трикраты,
ведьма скроется в тумане…
Мы уйдем, оставить рады
по себе воспоминанье.

Мы уйдем, освобождая
для потомков путь-дорогу,
чтобы птица золотая
им летела на подмогу.

ДОЧЬ АИРГА, НЕВЕСТКА АЖВЕЙПША

Дочь Покровителя всех, кто в пути, —
невестка Бога Охоты.
Она тебя свяжет, как ни крути,
и скажет, откуда и кто ты.

Попробуй избавиться!.. То, что ее
возносит, — тебе в униженье.
Она тебе счастье вручила твое
и горе в то же мгновенье.

Ей по сердцу даже дремучая жуть
чащоб, где свирепствуют волки.
Осколками сердца усыпан твой путь,
тебя же и ранят осколки.

Она человеком тебя назвала,
она же тебя и связала.
Ей брошена в ноги твоя хвала,
с концами связав начала.

Ты сам ее выдумал. И не беда,
что сердце стучит все чаще.
Что счастье ее — оно навсегда,
а счастье твое — преходяще.

Она будет светом во мраке годин,
во тьме человеческих бедствий,
пока будет помнить хотя бы один
о сказочном нашем наследстве.

* * *

Я, перещеголявший всех,
кто жив самообманом,
решил, что вечен мой успех
в круженье постоянном.

Я скалам голос отдаю —
он возвратится в хоре,
я брошу взгляд вослед ручью
он растворится в море.

Вернется одинокий зов,
вселенную расширя,
умножен на сто голосов,
во всем услышан мире.

Я все теряю, без помех,
затем, чтоб стать богаче,
я, перещеголявший всех
героев неудачи.

* * *

Мы все в пути:
и ты,
и я,
и он,
ступаем в след,
не попадаем в тон,
невзятые вершины в каплях крови —
надгробьями у наших изголовий…
Мираж морей —
слезами на лице…
Мы все в пути.
Мы встретимся в конце.

* * *

Вмещает ночь в себя:
собачий лай
и крик,
звезду,
что сорвалась
от лая
и от крика.
Звезду, что полыхнет в последний миг…
Вмещает ночь в себя:
выстрел,
роды,
свет рожденья,
заливший целый мир…

В ночи, в одной ночи,
в одном, в едином мире —
рождение
и смерть.
Смерть
и рождение —
в одной ночи,
в едином мире
и вся жизнь.

Начнем читать до ночи
на небе письмена,
что начертали скалы
в иные времена,
пока покой и звезды
нас неба не лишат…
Начнем читать до света
на море письмена,
что начертали звезды
в иные времена,
пока нам неба
солнце
не возвратит назад…

ВРЕМЯ И КРАСОТА

Вдруг Время, поглупев невыносимо,
как ситом воду — красоту
пытается похитить на лету,
а той смешно — она неуносима…
Оно летит,
а та смеется — или,
всерьез оставшись вечно молодой,
сквозь сито проливается водой,
и часть ее
деревья отхватили,
и часть ее
осталась в чистом поле, часть —
на вершине горной, на снегу, кусок —
на черноморском берегу,
и не остался ветерок без доли…
Глупеет Время, и невыносимо,
как ситом воду — красоту
решается похитить на лету,
а той смешно —
она неуносима.
И остается только в тех руках,
что могут сохранить
ее в веках…

РАВНОДУШИЕ

Это — равнодушие, оно
убивает, как заведено.
В крепость равнодушия извне
не проникнет ничего живого.
Выход заперт.
Небо в мертвом сне.
Нет пернатых.
Задохнется слово.
Чахлые кустарники одни
ожидают солнечные дни.
В это время
вне твердыни этой
солнце всходит и цветут цветы.
На земле, сочувствием согретой,
лишь со всеми вместе
сможешь выжить ты.
А иначе, на земле одной, —
мрак,
ненастье,
холод крепостной.
Это — равнодушие, оно
убивает, как заведено.

ДИАЛОГ

— И долго ли
поддерживать готова
Земля — тебя,
сердиться — на другого?
— Пока земное сердце, от тоски
став камнем, не взорвется на куски!
— Но рыжий змей ползет
по рыжим кручам,
Алеет роза на кусте колючем…
— Увидев розу, змей извергнет яд —
и роза потеряет свой наряд!
— Так почему же, если не выносит,
Земля с себя ползучего не сбросит?
— Но огненного змея не смогла
ударить камнем красная скала.
— Неужто роза с самого рожденья
стыдится своего происхожденья?
— Нет! Землю ты поддерживать готов
душой в уколах розовых шипов!

* * *

Счастье детства —
детская игра,
бабочка на воздухе рисует
одуванчик…

Юности пора
высь и ширь, как птица, согласует.

Старость
выйдет, сгорбившись опять,
прежних дней жемчужины искать.

Детство,
полетев на зов мечты,
приняло от старости цветы.

Юность —
вдалеке — возводит все ж
тот дворец, куда ты не войдешь.

Старость
на кругах своих забот
место на земле — твое — займет.

НЕ ХВАТИЛО

Как велика моя планета!
Пока во мне играла сила,
    я одолел до края света
        семь гор — пустыня поглотила…
Рассветов ждал, а тут стемнело..
Сто рек прошел — глотаю море..
Начав, уже не кончу дело,
    и тонет голос в общем хоре.
Не дальше моря и пустыни
        закатывается светило.
Меня в моей глухой гордыне
            на эту землю
                не хватило.

МЕЧТА

Почка взорвалась — листва вернулась,
будет вдоволь яблок краснощеких.
Облако пылает — день вернулся,
дети нашалятся до упаду.
Взрывов нет иных сегодня в мире,
нет иных огней сегодня в мире.

В густотравье яблоко упало,
яблоко с земли ребенок поднял.
Из гнезда птенец на землю выпал,
в страхе за него ребенок вскрикнул.

Нет иных невзгод сегодня в мире,
криков нет иных сегодня в мире.

НЕЖНОСТЬ КАМНЯ

Когда у порога хозяин не встретит тебя,
ты всякое можешь подумать,
обидеться втайне…
Пришел.
Упреждаю обиду.
По дому скорбя,
я слушаю голос высокий
тоски и скитаний.
Не так уж и часто
меня посещает Масис,
но мы друг от друга
за тучами не ускользаем.
Ты искренне встречен,
и так же к друзьям относись,
терпеньем у них одолжись,
и вернется хозяин.
Он напоминает
несчастную скорбную мать,
лицо свое светлое скрывшую трауром шали, —
ей камень глухой
о своих сыновьях вопрошать
и тихо брести
в благородных сединах печали.

Он напоминает
    сестру, молодую сестру,
        которой во стыд
красота, —
    красоты не потратив,
ей зерна надежды
    в камнях россыпать поутру
и всходов до вечера ждать —
    возвращения братьев.
Он напоминает
    последнего сына в семье,
мальцом не успевшего
    броситься в яростный пламень,
последнего сына,
    который несет на себе
невинную кровь неотмщенную,
    тягостный камень.
Масис меня встретит
    тогда же, когда же и всех
        рассеянных по миру.
Днем не растративший света,
    он будет ночами
        сиять из вселенских прорех
раздвоенным сердцем
    в порыве любви и привета.

…Стоял предо мной
поутру
светлоокий Масис.
Бессмертный народ!
Золотая заря затопила
столицу твою,
и не смотрит в отчаянье вниз
библейский ковчег.
Не моя ли пора наступила?

* * *

Пробудись, ветерок,
и с души моей пыль
быстрокрыло смахни…

Поднимайся, норд-вест,
жизнь — веселый подрост,
не трухлявые пни…

Затруби, ураган,
и болото засыпь,
если сгнило оно…

Море — чтоб небесам
стало видно до дна —
усмириться должно…

Ветвь окрепнуть должна,
чтобы зреющий плод
до конца донести.

Все живое — мое,
плоть от плоти моей
и должно расцвести.

ДОБРО

К одному добру —
другое…
Как же не бывать ему!
Ночь придет,
полна покоя,
Светлый день уйдет во тьму.
Вечно происходит эта
даровая благодать.
Не бывает ночь без света,
дню без тени не бывать.
Но добро — добро тогда лишь,
если вольное оно.
Оттого его и даришь,
что ничем не стеснено.
Расцветает вроде сада,
ибо ты цветенью рад.
Но стеречь его не надо,
а не то заглохнет сад.
Что не отдал без остатка,
ветер-странник разнесет.
У добра — своя повадка,
чужд ему сухой расчет.
Обернется злом сегодня
то, что свет несло вчера.

Нету ничего бесплодней
несвободного добра.
Задохнутся сад и птица,
и, пока вершится зло,
В серый пепел обратится
то, что пело и цвело.
И отпляшет по жилищу
пламя выше стен и крыш.
— От добра добра не ищут! —
Вдикой злобе закричишь.

ЧЕЛОВЕК

Все, что имел, возьмешь с собой в могилу,
оставишь по себе воспоминаний след.
Уйдя нестарым, будешь через силу
смотреть бессмертный сон мильоны лет.

Ни солнца впереди — ни тучи с тылу.
Смерть заняла твой след — и запоздал рассвет.
Смерть заняла твой след — и на закат светилу
дала зеленый свет. Так был ты — или нет?..

Но, если ты рожден, будь — вопреки уходу.
Уйдя, останься здесь. Иначе, год от году
старея, мир и сам уйдет в сплошную тьму —
из-за того, что ты недожил жизнь — до срока.
Стань сказкой на устах. Завидуя жестоко
тебе, изменит смерть бессмертью своему.

* * *

Старец Бога узрел
В черных глазницах слепца.
Это немой
На рассвете запел
Слабеньким горлом птенца.

Старец Бога узрел.

И ослепил его рдеющий свет,
Стала тяжелой его голова,
В пашню души он посеял слова.
То, о чем думать он прежде не смел,
Вдруг обрело небывалый ответ.

Старец Бога узрел.

Рядом со старцем
Бог шел по меже,
И расширялся знакомый предел,
И раздвигал набегавшую тьму.
— Смерть от тебя отступилась уже, —
Кто-то сказал удивленно ему.

Старец Бога узрел.

Это любовь расцветала опять
Там, где сияло кромешное зло.
Словно река, повернувшая вспять,
Каждый к себе возвратиться хотел.
Новое время над жизнью взошло.

Старец Бога узрел.

Это смутило пугливых людей,
Разве возможно, чтоб стали одним
Бог с человеком, грешным, земным?
Могут ли слиться ад и эдем?

В бездну тоски погрузился старик,
Счет потерял безысходным ночам,
— Но для того ли я правду постиг,
Чтобы, как хлеб, раздавать по кускам?

Всех не накормишь крошками лжи.
Видел я бога у свежей межи,
Я его зрел на дорогах земных,
И вот развеялся радужный дым
Нынче расстанусь я с богом моим,
Пусть он тогда воплотится в других.
Стон его скорбный растаял во мгле.
Старец закончил свой путь на земле.

И, переплыв темноструйный поток,
Он возвратился в назначенный срок,
И над клокочущим морем разлук
Взвились мосты человеческих рук.
Каждый свое утешенье нашел:
В очи слепых пролилась красота,
И отпустила немых немота.

Старец к людям пришел.

РУСЛО КРОВИ

I. В поисках ответа…

Столетья прошли.
И опять в ожиданьи ответа
Все с тем же вопросом пришел я на этот порог.
Старушка, глаза устремляя к небесному свету,
Меня не узнала,
Так страшен я и одинок.
Босой и в лохмотьях стою перед ней,
А когда-то,
Столетья назад, был я ангелом, гласом высот.
Весь — крылья и свет высоко над землею,
Крылатой
Судьбою влекомый, бросался в беспечный полет.
Так скучно над миром в пустой синеве.
И однажды
Явился я к людям,
чьим вымыслом был до сих пор,
Но крылья, оставив по белому следу за каждым,
Меня выдавая, как молнии вмерзли в простор.
От неба к земле,
Весь мой путь — два зигзага слепящих…
Старушка,
Быть может, лишь ты их и помнишь одна,

Когда сквозь столетия в призрачных,
облачных чащах
Все ищешь их взглядом там,
где и звезда не видна.
Напрасно.
Все в прошлом.
Там нет ничего и не будет.
Взгляни на меня,
Только ангельских черт не ищи,
Родная, я был им.
Давай мы о нем позабудем,
А ангел?..
Что ангел…
Не жаль мне его, не взыщи.
За то, что лишь клочья от крыльев ты видишь над кровлей,
Я болью своею успел небесам заплатить.
Пройдя босиком по кремнистой земле,
Чтобы с кровью,
Росинки смешав,
Жаром сбитых ступней испарить.
И вот наконец-то я здесь.
Я пришел за ответом.
Века пролетели:
— В чем счастье?
— И есть ли оно? —

Спокойствием мира меня укрывая от ветра,
Застыв в ожидании, Россия лежит предо мной.
Я жил здесь,
Столетия родную не тронули кровлю,
Лишь мать постарела,
        но ждет на пороге, как встарь,
Приветствуя путника вечными хлебом и солью,
Не счастье ль —
        принять из протянутых рук каравай.
Не это ли счастье!
От облачных замков и арок
Глаза отвела и взглянула мне в душу:
— Прими мой хлеб,
Оттого он сегодня так светел и жарок,
Что я испекла его в сердце родимой земли.

II. Взгляд

И заглянул я России в глаза
Утром туманным под городом Псковом.
С неба, сквозь хвою на воду скользя,
Голубизна наполняла озера.
Свет поднебесный,
Лучистая гладь,
Очи России — волненье и тайна.
Стоит сосне на ветру задрожать,

Видится длинных ресниц трепетанье,
Точно от черного сглаза хранят
Сосен ресницы озерную воду.
Вечно России сияющий взгляд
Будет пленять чистотою народы.

III. Дума

Шли века…
Гасли звезды…
Стремилась по руслам вода.
Все ушло в никуда…
Пролетело,
погасло,
уплыло.
Почему ж родство слов,
что схожими были всегда,
Лишь сегодня мне душу
созвучьем названий пленило?
Псков
И Апсны.
Кто-то скажет — случайность…
Едва ль.
Где найдется народ,
чтобы был так открыт и доверчив?

И нельзя не любить эту землю
и северный край,
Как родне,
груз истории
мне возложивших на плечи.
Не поэтому ль Псков и моя,
от рожденья, Апсны
Точно равные в сердце
по праву места занимают.
Колокольные звоны доносятся из глубины,
Это храм белостенный
мне душу свою открывает.
Но не каждому голос столетий дано услыхать,
Только самому близкому
слышен он в полную силу.
Я услышал,
поэтому вправе отныне сказать,
Что и этой земле
буду верным и любящим сыном.

IV. Река Великая

Я покидал Апсны,
Когда ночь опускала звездный свод
На мир
И бархат темноты стекал в разломы гор.

Там, по ущельям,
может быть
во сне небесный хоровод
Верша,
рои полночных звезд сияют до сих пор.
Река Великая,
Твоя вода черна, как эти сны.
И кажется мне —
в тех краях берешь ты свой исток,
Где по ущельям затаилась
тьма Апсны
И звезды юга в толще вод несет густой поток.
О, ночь — спокойная река.
Плыву средь звездного огня
Туда, где озеро лежит, как голубой рассвет.
Река — озерная душа,
Успеть бы к зарожденью дня.
Пусть свечи храмов
с берегов сияют мне вослед.

V. Поле

Спит утомленная родами пашня.
Призрак зимы промелькнул меж берез.
Воздух царапая, крыльями машет
Старый ветряк, навевая мороз.

Крутится,
Хочет взлететь,
Но напрасно.
Не оторваться ему от земли.
Может, как зерна в муку
Час за часом
Время мое перемелется в дни.
Может быть.
Годы летят,
Нет возврата…
Вот уже и отпылал листопад
Палыми листьями цвета заката
Осень засыпала тропку назад.
Пашня уснула,
И только два стога
В синей, подернутой дымкой дали
Светятся,
Светятся в поле над логом,
Как материнские груди земли.
Льются тумана молочные волны.
Высь,
Не тебя ли вскормили они.
Небо высокое,
Небо бездонное,
Небо без края — куда ни взгляни.

VI. Рождение поэта

В сердце перемешавший две крови,
Породнивший и север, и юг,
Заступая на жизненный круг,
Может, ты лишь один и достоин
Божьей милостью званья — Поэт.
Впрочем, боги проходят бесследно.
Ты ж навечно впечатаешь след
В эту почву стопою победной.
Так родись!
Пусть пылающий взгляд
Стянет силы от севера к югу.
Цепь замкнется, Ударит разряд,
И созвездия скажут друг другу:
— Он из нас,
Только вряд ли теперь
Вне земли он найдет себе место.
Так спеши указующим жестом
Сам себе приказать: — В колыбель!!!

Чуть качнулась земля — колыбель.
Кровь, отхлынув, вернулась к истокам
И позвездно к земле, как капель,
Устремилась по древним протокам.

День стал годом,
И годом стал век,
Лишь бы в росте с ребенком сравняться.
Человеком чтоб стать,
Человек
Навсегда должен с небом расстаться.
Не оставить следов над землей.
Так пройди по дорогам планеты.
В небе, только для жизни земной,
Век от века рождались поэты.

VII. Горы

Кавказ под тобою,
Как будто могучей ладонью
Ты поднят над миром.
И горы твой голос хранят.
Где звуки вершили
Свой путь от вершины к вершине,
Сегодня с рассветом
простор озаряет твой взгляд.
То горы иль волны?
Какой ураган их исполнил,
Однажды возникнув
в пылающих недрах земли.
Ковчегов обломки

И души столетий нестойких,
Сквозь синь ледников проступая, сияют вдали.
Кавказ под тобою
Иль окаменевшее море.
Седые вершины в ладонях планеты — Кавказ.
Пусть этим вот светом
Наполнится сердце поэта,
Чтоб слышались в строках
Грома ледниковых истоков
И, в песню слагаясь,
страну захлестнули в свой час.

VIII. Михайловское

Здесь очаг,
Где в огне исчезает весна.
Время искры соцветий развеет.
Скоро лето сгорит,
Вот и угли лучей
Сквозь золу облаков пламенеют.
Здесь очаг,
Где в дыму листопадной поры
Золотистая осень истает.
Здесь пылает зима,
И пока не сгорит,
Пеплом снега лицо заметает.

Здесь очаг,
Где округлое тело земли
Лижет леса зеленое пламя.
Вспыхнет дерево,
В сердце поселится боль
И надолго останется с нами.
Но и ей, как всему,
Суждено отпылать.
Боль, сгорая, становится песней,
Чтобы все, что исчезло,
Вернулось опять
И навеки из пепла воскресло.

IX. Сын

Путь от весны до зимы,
Как ты труден.
Немудрено и всю жизнь растерять.
Жизнь — только спутница,
Путь же свой люди
Поодиночке должны выбирать.
Так выбирай и иди,
Если веришь,
Бог африканский или божество,
Ты все сумеешь,
И ты все успеешь…

Да не прервется с Россией родство!
Долог твой путь,
Но нельзя не осилить.
Под ноги стелется снег полотном.
На белоснежном челе у России
Ты, как родимое,
к счастью, пятно.
В мире иль в тесном мирке колыбели
Не уместившись, ты рвешься вперед
В белую зиму, где стужа расстелет
Саван,
И все же весна тебя ждет.
Время твое переходит в пространство.
Мир расширяется, лишь бы вместить
Сына России в сияние наста,
В утро, застигшее на полпути.
Там, где зима, ослепленная светом,
Только судьбе уступает права,
Где белизна,
точно черную мету,
Зло растворив, чистоту навела.
Спутницу-жизнь обогнав, ты вступаешь
В вечность
На путь без беды и потерь.
Только бессмертье отныне товарищ,
Только весь мир тебе спутник теперь.

X. Бессмертие

Ничто никогда не прошло мимо сердца поэта.
Ничто…
Но сегодня попробуй вдоль леса пройти,
Где магия сказок твоих затаилась средь веток
И голос над озером легким туманом летит.
Попробуй пройди…
Но едва ли тебя кто заметит.
Вот поле, что слушало да прозевало певца.
За звуками лиры волшебной
на дымном рассвете,
Забыв выраженье и облик родного лица,
Ты сам все оставил.
Тебя ж они не покидали.
Лишь пулю от тридцать седьмого —
кусочек свинца
С собою ты взял,
А не лес, не озера и дали…
Не встреться ты с нею, — и нет рокового конца.
Тогда бы и поле,
И сказочный лес,
И озера
Призвали б в свидетели гения трепетный стих.
Ты видел бы смерть,
Но за смертью грядущего вскоре
Величие праздника — час возрождения их.

ОСЕТИНСКАЯ ПЕСНЯ

1. Возвращение

Те, что мчались за славой,
Вернутся домой,
Уносившие землю
На копытах коней.
А земля без почвы —
Пустыня. На ней
Народу — не выжить,
Садам не цвести.
Кто же встретит тебя на обратном пути?

Камни падают с гор,
Обнажая плоть,
Ветер почву сдувает
С голых пород.
Эту пыль по крупицам
Из года в год
Безутешной вдовицей
Собирает Земля,
Словно горстку муки для голодных сирот.

Люди плачут, смывая
Крупицы Земли,
И уходят, уходят

Каменистой тропой,
Пыль земную в ладонях
Уносят с собой.
Им порой не хватало
Земли, чтобы жить —
В самый раз,
чтоб в могилу ее положить.

На чужбине народом
Не станет народ,
Горсть своя у любого
И гибель своя.
Разбредаются люди
В чужие края.
Впереди одиночества
Смертная мгла,
И камнями надгробными
их дорога легла.

Возвращаются всадники
Прошлых веков,
И земля возвращается,
Осыпаясь с подков,
Возвращаются ветры
С чужой стороны,
Возвращаются реки,
Водою полны,

Разливаясь в долинах,
Где, как память былого,
Лежат валуны.

Возвратятся Ироны,
Не сгинув в годах,
И зерно прорастет
На копытных следах,
И все горсти Земли
Жизнь в одну соберет,
И отдельные люди
Соберутся в народ.
Возвращаются нарты
Из проклятых дней,
Чтобы почву просеять
От острых камней,
Чтобы почвой укрыть
Тело скудных полей,
Чтоб народ одарить
Вечной жизнью своей.

2. Город мертвых

Город мертвых…
Своды,
Тени дворцов,
Дома…

Кроме троп для живых,
Нет иных дорог…
Для живых —
Годы,
День
И ночная тьма,
Здесь же — тихая заводь,
Ни радостей, ни тревог.

В городе усопших мы тревожим их тени,
Будим их молчанье, похожее на тишину,
Слушаем их песню, рождающую смятенье:
«С этой скорбной дороги
я никуда не сверну…»

Я спросил череп уставшего человека:
«Ладно, вам жизнь надоела,
но этот младенец при чем?»
«Он родился напрасно, дитя ужасного века,
И на сиротскую долю с детства был обречен».

«Что с тобою случилось,
стоявший над крутизною?»
И ответил мне череп,
светящийся во тьме:
«Та, что меня столкнула,
покоится рядом со мною,

Было ей восемнадцать
и восемнадцать мне»

«Может быть, ты спокоен,
день завершив вчерашний?»
Но ответил мне череп у крепостной стены:
«Все крутые тропы, ведущие к этой башне,
До сих пор моею кровью обагрены»

Видел я — семейство у очага теснилось,
Раскаленные камни долго хранили тепло.
И сказал мне старейший:
«В жизни нам и не снилось
Вместе собраться. Горе нас сюда привело.

Мы меж собой поделили злые муки недуга
И умирали вместе от земляков вдали.
Пусть мы от смертной хвори
не упасли друг друга
Но земляков от смерти все-таки сберегли».

Город мертвых остался за моей спиною.
Время к живым возвращаться,
длинен обратный путь.
Горькая песня мертвых будет всегда со мною:
«С этой скорбной дороги
нам никуда не свернуть…»

3. Осетинские девушки

Такое обилие красоты
Опасно для сердца,
Греховно для глаз,
Но лучшего места
Не выберешь ты,
Чтоб встретить достойно
Последний свой час.

Слепой здесь не сыщет поводыря.
Не видно зрячих,
Ослепли все.
А я?
Судьбу благодаря,
Лежу в садах,
В блестящей росе,
И время движется,
Как во сне,
Меня касаясь своим крылом,
Досталось мне!
И поделом!

Но смерть не грозит
Мне, хитрецу,
Я буду ждать

До скончанья дня,
Когда подбежит
И склонится к лицу
Та, что всегда спасает меня.

По улицам города
И по садам
Я душу развеял,
Как пепел с листа,
Осколки души моей
Носятся там,
Где гладью морской
Разлилась красота,
Себя не найти,
Я с собой незнаком,
Мой парусник скрылся
в тумане морском…

4. Таймуразу Ходжаты

Поэт — дитя,
Ему горька обида,
Его обидит запросто любой:
«Смотри, смотри,
Он необычен с виду,
Смотри, он рассуждает сам с собой!»

Он бродит по горам и где попало,
Он поутру гуляет вдоль реки,
Но ни одна живая тварь не пала,
Не пострадала от его руки.
В одном прохожем пробуждает
Жалость,
Другой — спешит
В безделье обвинить,
Но кто из встречных знал,
Как сердце рвалось,
Как быстро истончалась нерва нить?
В горах обидят —
Скроется в долине,
В долине плохо —
Устремится ввысь…
«Куда глаза глядят
Иду отныне,
Иду туда, где братья заждались.
Давно я не бывал в родном краю —
Иду к себе — в Абхазию мою!»

5. Симд. Осетинский танец

Так же человек приходит на свет…
Танцу вослед,
Словно на праздник,

Словно на бой,
То, с чем пришел,
Унесешь с собой,
А в этом мире оставишь ты
Только то, что делал без суеты.

Этот танец
Непобедим,
В жизни мы сами
Праздник творим.
Сердце заставляем
Пускаться в пляс,
Потому что знаем,
Наш праздник — в нас!
Мужество сильно,
Но красота сильней,
Потому оно
И не сладит с ней.

Будет праздник радость
По каплям цедить,
А увидев слабость,
Слабого щадить,
Если в спину нож —
Заслонит любой…
Только то возьмешь,

Что принес с собой.
Только то оставишь в мире ты,
Что творил достойно, без суеты!

б. Поэт

Что смог бы ты, Коста,
Когда б не твой народ
Вложил в твои уста
Извечные мотивы —
Всю скорбь, всю радость,
Что в народе живы,
Безумных танцев огненную стать
И плач над тем, кому уже не встать.

Когда бы не расцвел
Тот древний куст
Людских страданий,
Смог бы ты едва ли
Застигнуть свой народ
На дальнем перевале
И тем предотвратить
Его смертельный спуск.

Ты вечен, как народ,
И, как преданье, вечен,

Как сказочный герой,
Нарушив ход светил,
С заката на восход:
«Пусть не наступит вечер…»
Привычный Солнца путь поворотил.

И ты пришел, творец,
Ниспосланный судьбою
В нелегкие года народу потому,
Что ждал тебя народ,
Гордящийся тобою,
Что песнею своей ты мог помочь ему!

* * *

Покуда сны твои не обжег восход,
А в небе ни единой слепой звезды,
Берегом белоснежным по краю вод,
Где еще не чернеют ничьи следы,
Ступай и приди к воплощению своему…

Пока на землю тень моя не падет,
Знай: загадку мира я не пойму…

Пока роса надежды не исчезла при свете дня,
Ступай в потоках солнечного тепла
Стежкой лесною, которая петляет, звеня,
Пока путь твой черная змея не пересекла,
Спеши и приди к воплощению своему…

Пока тень моя не будет длинней меня,
Знай, загадку мира я не пойму…

В полдень, прежде чем песня высохнет на устах,
Наклонись, разглядев веселый родник,
Прикоснись, словно поверяя свой тайный страх,
И, затаив дыханье всего на миг,
Ступай. И приди к воплощению своему…

Пока тень моя не ляжет у меня в ногах,
Знай, загадку мира я не пойму…

Прежде чем истечешь из меня, как свет,
И останусь вновь один среди тьмы,
Метнусь назад, не веря, что тебя нет,
И встретимся там, где расстались мы!
Так придешь ты к воплощению своему…

Знай же, пока не ушел я за тенью вслед:
Это счастье, что здесь меня уже нет,
И загадку мира я не пойму…

АУАДХАРА

1

Только звезда канула в сердце скал,
Тотчас во тьме возник света исток.
Хлынул в ущелье поток. Сияньем истек!
Каждый валун
Гладким опалом стал.

Камень, причастный звездной душе, — звезда!
Небо чела потерей не омрачит!
Там, где звезда целует землю, всегда
Песнь о небе рождается и звучит.

2

Древо света расцветает форелью,
Сияние растекается по ущелью…
В прошлое взоры не обращай уныло.
а и чем оно тебя обделило?..

Жизнь сведет
(Пусть и не сбылось,
А только мечталось)
В свой черед

То, что ушло,
И то, что осталось…
Чтобы верней
Внушить тебе:
Все едино…
В дымке дней
Примиренье с прошлым — равнина…

Мы гости сотворившего эту твердь,
Пилигримы у подножия гор.
Их бессмертье
Непостижимо, как смерть…
Замирает вдруг потрясенный взор!
Чужд им ход наших дней
И спирали троп.
Виснут скалы,
Словно, заслышав весть,
Исполины пришли
И застыли, чтоб
Разом в танце зайтись
Или в седла сесть!
Или пасть и молиться своим богам,
Молча бурку-долину швырнув к ногам.

НЕ МУЧАЙТЕ ВЕНЕРУ

Нет Ноя,
А и был бы, прости, —
Ведь некого
И не от чего спасти.
И милосердному Богу
Пролить свет
Не на кого —
Человека нет,
Болезного,
Того, что творил и выл…
Встали бы мертвые из могил,
Дабы заступить на место живых,
Так и места нет…
Вот ветер утих,
И Венера,
Оплакивая пустынный век,
Озирает русла
Высохших рек.
Словно дочь над матерью,
Причитает темно.
Господи!
Умерла бы, да не дано.
Бессмертна!
А окрест —

Тяжелая сушь.
Где же эти несчастные,
Из чьих душ
И складывалась ее душа?
Наедине с красой своей,
Не спеша,
Бредет по осыпям
Разрушенных скал.
У природы в зрачках —
Смерти оскал.
Да, природа —
До конца воительница и мать,
Но человека нет.
И нечего ждать.
Венера в траур облачена до пят.
О, как же ей нужен людской взгляд.
Без этого — красота пуста.
И постыдна вселенская нагота!
О, обожание человечьих стад!
Руки,
У Венеры руки болят!
Навек уснувшие,
Пропавшие на пути,
Послушайте, где же вы?
Не найти.
Ни единого, видно,

Бог не спас…
Миру прямо в кровоточащий глаз
Брошен пепел, в который обращены они…
Может, проливая слезы, в тени
Черных одежд,
Измучена и бледна,
Слезами
Русла рек наполнит она?
И в огромное море
Сольются потоки слез,
И волны душу ее вынесут на утес?..
А может, молча соберет она прах
И человек возродится в ее руках?
И наново под небом примется жить…

Но для чего же прерывается нить,
Если русла все же возродятся для рек?
Поистине, — необходим человек,
И в муке
К звездам обращающий взгляд.
Руки,
У Венеры руки болят!
Взгляните,
Как вены синевой налиты!
Помогите,
Ей не под силу гнет пустоты.

ИЗ ЦИКЛА «ТРИНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ВЕСНЫ»

1

Пока я молод был,
ликовало
Зеленой листвою
И рыдало, бывало,
В нежной желтизне осеннего дня
Дерево,
Что ни разу не укрыло меня.
Ветви его,
Коснись они моего лица,
Могли бы донести образ той,
Что над миром с ребяческой прямотой
Рассеяла меня до конца…

…А полыханье заката напрасно: нет,
В глазах его не родится свет…

Пока я молод был, так бывало:
Желтое дерево уплывало,
Но вновь весною
дни и ночи подряд
Юной листвой задевало взгляд.

И легкие годы уносили весну.
Росла тяжесть и тянула ко дну…
…Вдруг понял:
в море сновидений плыву.
Но парус исчезал наяву.
Мир со светом простился.
И побрел наугад.
И смирился
Схоронивший его закат…

2

Если всевидящее око нам вслед —
Пусть лишь неба взгляд.
Если шепоток за спиной чуть свет —
Пусть лишь звон цикад…

Вот расстелили нам ковер поля и ушли.
Расступились деревья
И исчезли в пыли.
Тенью лани
ускользает день, утомлен.
Поле без тропинок,
как дорога одна…
Беда, коли странствую
во мраке времен
И душа настоящего не видна…

…Черный ворон, потрясенный небом,
К небу приник.
И растаял, как облако в тот же миг.
Не разделить его боли,
Не отвести.
Я канул в поле,
Чтоб травой прорасти…
Чтобы стать лучом,
Я в заре горел,
Мыслью о счастье твоем влеком!
И ради того,
Чтобы взгляд мой не опустел,
В сумерках
ты в траву упадешь цветком…

3

В стремнину погружены пролеты моста —
Сломанные крылья рухнувшего орла.
Отпел я. Очнулся, а окрестность пуста
И угрюма, будто и не цвела.
По берегам, куда бы ни упал взор,
Повсюду острия скал.
Единственной дочери
Семи гор
Я угождал.
Лишь бы не обидеть не дай Бог!

Без нее и жить ни к чему…
Оборвать наважденье кто бы помог?!
Нет сил избавиться самому.
Не та это песня, не та, не та!
И не наскучить ей не могла…
В стремнину погружены пролеты моста,
Словно крылья рухнувшего орла.

4

Мнится: близких жалобно окликая,
Над землей заблудилась чайка морская.
И дыханье гордое в ней остыло…
А она, счастливая, парит легкокрыло!

Цель вращенья Земли:
Стремленья уверенного –
Новые потери – в поисках утерянного.

Примирившись с местом,
Какого не выбирали,
Мы спешим, недвижимы,
И будто всегда в начале!

Дни и ночи мчатся.
Их бег все быстрей и краше.

Улетают весны.
И наша им вслед, и наша.

Цель вращенья Земли
Понятнее на закате:
Драгоценные дни роняем,
Молодость тратим.

Вновь летим,
Счастливых дней не считая.
Чайке что?
Она свободна, плутая.

Вот сейчас исчезнет
За небесной чертою.
И столкнется осень
Сама с собою.

Чтобы напомнить
Тоскливым дождем,
Желтой листвою,
Что не дано нам жить
Одной лишь весною…

И увы, не остаться,
Означив дни именами,

В этом мире,
Выбранном для нас однажды
Не нами,

5

Ты ждала.
И время замирало тогда.
Обижалась…
Я обидой твоею жил.
В незрячей тщете
Луна и звезда,
Отчуждаясь,
Тянулись друг к другу
Изо всех сил…

Ты ждала.
А я вдали умирал.
Отступила.
И обида тебя вела.
Я кричал.
Но крик не достигал скал.
И казалось,
Что туман в ущелье – зола.
Все. Не ждешь.

Время мертво.
Душа не слышна.
Ты сошла с вершины –
И меня нет.

Молча по небу
Разбрелись звезда и луна…
Что там, след зари
Или песни свет?..

6

Лучше бы песне о тебе не родиться:
Из сердца вспорхнула нежная птица.
Взмыла!
И звонкое дыхание птичье
Разбилось о стеклянное безразличье.

Мысль оглохшая
Ухмылкой чревата.
А мир вокруг –
Немота и вата…

Не веря звукам,
Вслепую шаря рукою,

В поисках слова
Живых и мертвых
Зря беспокою…

Если песнь о тебе
Родилась по воле чудесной,
Почему достойной смерти
Не нашла в Поднебесной?

Почему не хватило
ей волшебного пыла?
Не зашлась,
Стеклянных стен не разбила?

7

Было имя –
Сном души,
надеждой незримой.
Было имя –
Болью неодолимой.
Ненавидел
Куст, утыканный сотней жал,
И цветок его
В моих руках умирал…
Было имя –

Птенцом, отлученным
от сини зыбкой.
Было —
На горячем песке
Серебряной рыбкой…

Было имя — ласкою.
Но оно
Легкой лодчонкой
Уходило на дно…

И так случилось
Среди этой тщеты —
Имя вдруг обрело черты.
Той единственной,
Что надеждой души была…

Розовый куст
Больше не держит
на меня зла.
Крылатый птенец
Однажды небо найдет.
Юркую рыбку
Ожидает прохлада вод.
И только одно мучит,
Только одно:

Та лодчонка-то
Уходила на дно…

8

Я солнцем обманут…
К свету, угрюм,
Выбредал из времени
Без дорог.
Ледяной панцирь
Тяжелых дум
Упал и раскололся
У моих ног.

О белых глыбах
Горевать не с руки —
Тают и рождают
Веселые ручейки…

Шаг к смерти —
Благоуханье вешних ветвей,
Но цветенье алычи
В улыбке моей…

И следа печали
Различить не дано.

Зима, весна ли?
Мне все равно.

На весенний берег,
Над морем тьмы
Я из времени вышел
Среди зимы
В белом цвету,
В золотой пыли…

Но облаченным в снежный
В снежный саван сочли
И на помощь мне
Устремились
Те, чьи следы
Цветут на снегу
Черными цветами беды.

Да, недоступна им
Тайная моя благодать:
Им из зимы своей
Весны моей не достать.
Одиноческой,
Вневременной,
Неземной,

Той, что пришла со мной
И уйдет со мной…

9

Пусть бремя,
То, что наяву тебе не по силам,
Только снилось, милая,
Только снилось…
Тихо во тьме
Земли посреди
Сон твой длится
У меня на груди.
Спи,
Чтобы с пробужденьем твоим
Счастье я познал,
Потерей томим,
Чтобы не канул
В море радости,
В котором плыву…
Пусть лишь день
И отпущен мне наяву,
Что пред ним
Забот моих и лет череда?
И песня его
Сложена навсегда…
И звездного племени счастье
Открылось мне.
И мириады звезд

С душой наравне
Поплыли.
И небесный свод без границ
Благословлял
Пробужденье цветов
И песчинки птиц…
Пусть в заездах и снах
Оживает то, чему не бывать.
Но пусть однажды
Прольется в мир благодать
С той чудной песней,
Полной неги и сил!
Чтобы возрыдали те, кто не зрил…

10

В толчее обожженных крыл,
Весь из пепла, крови и жил,
Я в глазах твоих почуял тепло.
Я, кому и небо было мало!
Когда факелом пронесла меня мгла,

И крохотная Земля обняла.
Чудилось: лежу в небе, на дне…
Словно рукокрылый ангел,
Навстречу мне

Плавно приближалась, песком шурша,
Ты, кого упрямо звала душа…
Но охрипла душа,
Ослабла рука.
Оставайся же по-прежнему далека…
Я устал.
Слышишь ты или нет?
Веруя в торжество,
Пил я молоко неба — свет
И перерос себя самого.
Оставайся же по-прежнему далека.
Вот он пепел мой —
Облака…

11

Вот исчезнем мы с тобою сейчас.
И уже луна
седеет на восходе без нас.
Счастье —

Этой муки бесконечная нить.
Дай мне руки:
Землю я хочу ощутить.
Чтоб найти силы
перейти перевал,

Тяжесть обескрылевших
я познал.
Тяжесть обескрылевших
Вдвойне тяжела.
Жар мой
И луну бы раскалил добела!..

Счастье —
Этой муки бесконечная нить.
Чуть приду в себя —
Солнце спешит остыть.
И чтобы жар его не потух,
Заново погружаюсь в недуг…

Счастье —
Этой муки бесконечная нить.
Взять себя в руки —
Значит перестать быть.

12

Слезы юности —
Животворным дождем в пути!
Чтобы следом,
В память о ней травы вились.
Дороги,

с которых пришлось сойти,
Крепкими путами
в ноги мои впились.
Замер
Перед тем, как рухнуть наверняка,
А мир и не заметил этого пустяка.

Посреди зеленых долин,
За седьмой горой,
Упал я один.
И навеки обрел покой.
Упал и замер,
дыханье твое храня…
Здесь ты и настигнешь меня.

Вечна преграда
Между тобой и мной:
Два возраста-взгляда
Разделены надеждой одной,
Но если старший упадет на пути,
То встрече не дано не произойти.

И не плачь,
склонясь ко мне до земли,
Чтобы глаза мои
Повиликой не поросли,

Чтобы глухая трава
Не застлала свет,
Чтобы до смерти
Мог глядеть тебе вслед…

МЗАИА

Щиши-нани, —
Спит Луна.
Щиши-нани, —
Тишина.
Спит усталая Луна.
Не бывало краше сна!
Сон чудесный —
Диво див!
Свод небесный
Исходив —
Троп и тропок без числа —
Утомилась и легла.
Щиши-нани, —
О, не зря
Колыбель ее — Земля.
И озерная вода
Укачает без труда.
Сколь надежно ни свети,
Нужен отдых на пути.
Нужен отдых на пути,
Или в небо не взойти.
Щиши-нани, —
Тишина.
Спит усталая Луна.

Ветер крылья подобрал.
В тишине по скулам скал
Разметался невпопад
Седовласый водопад.
Щиши-нани, —
Неспроста
Гладь озерная чиста.
Спит усталая Луна
Щиши-нани, —
Не слышна.
Озеро, обняв Луну,
Погрузилось в тишину.

ИЗ ЦИКЛА «В СКОБКАХ ВРЕМЕНИ»

Верно, нервы сдают у мира:
Словно у последней черты,
Исчезли пчелы и увяли цветы,
Когда я тихо шел через сад.
Птицы упорхнули,
Облетели подряд
Все листья с дерева, —
Разве я задел их хоть чуть?
С лица земли
Исчез мой пройденный путь,
Убоявшись,
Что где-то, посредине времен
Замечу,
Что он не столь и длинен.
Мир растерян,
Словно сбился с пути.
Положиться на него не смогу.
Но если оглядываться
На каждом шагу —
Далеко не уйти…

* * *

Вдруг средь зимы
Тепло охватило!
В золоте лучей
Человек вступил
Под свод мирозданья.

Летом сердце вдруг
Сжалось, холодея,
Через тайный ход,
Под покровом ночи
Тихо человек
Ушел из мирозданья...

УТРО

…разбивается чаша утра…
Ф. Г. Лорка

Тяжелое стекло прохлады одинокой
Рассек наискосок
Незримой до поры пичуги темноокой
Алмазный голосок.
И проявился свет в овале нежной смолки,
И край небес вдали.
И лопнуло стекло.
И хлынули осколки.
И луч достиг земли…
Есть в мудрости времен
Глухое заблужденье,
Что где-то на пути
Обязан человек смирить свое стремленье
И место обрести.
Невнявших что ни день
Спесивцы обличают
С надменной высоты…
Но неба от земли в родстве не отличают
Ни птицы, ни цветы.
И думает трава, благословляя зыбко
Пространство перед ней,

А кто она? — Небес зеленая улыбка
Или дитя корней?
Не зря же говорят чудесные преданья:
В доступном нет утех!
И странный человек с повадкою блужданья
Счастливейший из всех.
Не в силах до конца достигнуть абсолюта,
Но устремленный вдаль!..
А хоть бы и не так…
Достигших почему-то
Мне бесконечно жаль.
Особенно когда во сне вздыхает лето
И, взмыв наискосок,
Отважно, просияв, кроит стекло рассвета
Алмазный голосок…

СПАСЕНИЕ

Неведомый голос звучит из пропасти ночи…
Так было, когда ковчег носило в потопе…
Так будет. Лишь канет пламя последних сопел…
С горящей свечой выбегает на паперть храма

Решивший мир озарить, опередив Бога.
Безмолвным, слабым он слыл. Не давал обета.
…Внезапной надеждой разбуженный, эхом света
Незнамого пламени, невзошедшего солнца,

Он должен листок свечи нести до рассвета,
Чтоб всюду в ночи зажглись очаги,
дразня языками,
Чтоб эти огни светилу могли служить маяками,
Чтоб верной опорой были ему и звали на землю.

Неведомый голос — боль. К утру обессилев,
Уснет, чтобы жизнь на заре очнулась в грядущем.
Чтоб разом, в единый миг не предстать живущим.
Чтоб в точку не сжались сегодня вчера и завтра…

* * *

За пределами зримого в белом небе
Натолкнется на пулю чистая птица…
Где завершаются пальцы рук воздетых,
В светлом порыве их продолжают крылья.
Если же пуля не находит покоя,
Эта жизнь становится тяжким грузом…
Непосильной ношей для крыльев нежных…
Только помыслил:
Тьма за пределом зренья.
В ней исчезает чистой душой светлая птица…
А продолженья опущенных рук — побеги,
В небо корнями белеют,
Как кости непогребенных…
Свет или тьма?
Тьма или свет?
Необъяснимо…
Все бесприютно, беспочвенно, безнебесно…

* * *

Сгораем!
Тьма вбирает крик,
Запястья сжав.
И в тот же миг
Освобожденье вслед за ним
Приходит светом неземным.

Стремимся, сея свет из ран,
Недвижный воздух в ураган
Преобразив, сквозь время бед.
И нам дорога целит вслед.

И я хочу распасться тут,
Растратить эту горсть минут,
Избыть, рассеять эту прыть,
Чтоб быть не в силах отступить.

И мчать наперекор мирам.
А этим — что по сторонам,
Которых обделил Господь,
Дать повод языком молоть.

Чтоб вспоминали, трезв и пьян,
Как ясной ночью ураган

Промчался мимо в полный рост,
Осыпав молнии со звезд.

Пусть шепчутся, приврать не прочь,
Да и забудут эту ночь,
Забудут, словно не была, —
Меня спалившую дотла.

Когда, плутавшая во мгле,
На миг дорога на заре,
Объята пыльной пеленой,
Зажмурилась над крутизной,

Безгрешных двое поднялись
Над ней и устремились ввысь.

* * *

На грани неба и земли
Из умиранья тишины
Родится дневный гам.
И море мчит наискосок
За мною разровнять песок:
Польстить ее следам.
…с моим молчаньем — песнь ее.
Исчезновение мое.
Сулит ее приход.
В миг умиранья тишины,
Когда следы обречены,
Вдруг песня оживет…
И поплывет за окоем.
Смеясь и плача о своем,
Рассеется, как дым.
И возвратится тишина.
И будет порабощена
Безмолвием глухим.
Когда вечерней зыби медь,
Уже бессильная гореть,
Уляжется у ног,
Придет черед следы стереть…
Песку глухому станет петь
Слепой песок…

* * *

Земля,
Я исчерпал твой дар до предела.
Припаду к тебе,
Обездушен и невесом.
В небесах
Последняя свеча догорела.
И восковое небо
Как душный сон.
Я поднимался,
Вечно не достигая,
Все не верил,
Что большего не дано.
А сегодня
Дотянулся до края,
И подумалось:
Все равно.
Сквозь пространство
Во времени путь конечен
К безмолвному рубежу.
Однажды
С такою радостью встречен,
Незамеченным ухожу…

* * *

Мечется пламя.
Тесен ему очаг.
Вырвется —
Поди утоли!
Море
Теснится на ложе
С тоской в очах.
Выплеснет —
И не станет земли!
Но взбешенной волне
Не по силам пламени прыть,
Но напрасно глядится огонь
В зеркало вод —
По сплошному морю
Некуда плыть,
В полыхнувшем просторе
Некому стыть,
И к костру всея Земли
Никто не придет.

* * *

Парус лодку на дно увлечет.
Тучи чаек беспамятство вод
Будут славить, летая по кругу…
Хрустнет дерево мертвой корой.
Воронье, облепив сухостой,
Черным криком оплачет округу…

На мгновенье почудилось тут,
Будто ворон верхушкой проткнут,
А вокруг острия ножевые…
Хорошо б тебе знать наперед:
Ворон в этом краю не умрет
И не рухнут стволы неживые.

Здесь скрестились сухая сосна
С птицей той, что бессмертьем страшна,
И под небом царят, возгордившись.
Нестерпима их черная спесь —
Знак того, что и не жил я здесь:
Видно, умер, еще не родившись.

* * *

Анан Мария!
Блажен ли все потерявший?
Жил-поживал,
Не любил, не пахал, не сеял.
Век вековал –
Ни добра, ни зла не содеял.
Так и ушел.

Анан Мария!
Блажен ли все позабывший?
Кем он был,
Трусом или героем?
Спорил?
Был гневлив?
Дорожил покоем?
Так и ушел.

Анан Мария!
Ты слышишь меня?!
Ответь,
Стоит ли мук
То, чему суждено истлеть?

Этот
Все до капли людям раздал.
А тот
На себя растратил свой жар.
Прожил, словно ничего не отдав...
Но скажи,
Который пред небом не прав?

Анан Мария!
То, что когда-нибудь
Забудется
И утратит суть, —
Это жизнь,
От которой среди утрат
Ты ни на миг не отводишь взгляд.
Тебе одной открыта ее игра...
Только бы зло во мне
Не превосходило добра.
Анан Мария,
Ты ведь скажешь, когда пора?..

* * *

В этот мир я ни с чем пришел.
Был удел мой ясен и прост:
Небом брел сквозь облачный дол,
Робко трогал волосы звезд.

Мысли лун по цветам читал,
Тешил бредом пустыни зной,
Верил стати надменных скал,
Был в потоке любим волной.

В кровь камнями ноги истер,
Но такая участь дана:
Проложив тропу среди гор,
Знать, что опустеет она.

Я ни с чем пришел в этот мир:
Не таил казны взаперти.
Где там: ни рубахи, ни дыр!
Выходило: надо идти…

Звездный свет я в небе сыскал.
Дали силу мне луг и лес,
Молчаливая гордость скал,
Жар небес. И хляби небес.

Плыл во тьме, лишенный тепла.
Но волна меня поняла…
Ноги сбил в дорожной пыли,
Но ступни мои заросли.

Сплел судьбу, на плечи взвалил
И стою на пределе сил.
День придет, эту ношу сам
Я грядущим за мной раздам.

И уйду в чернолесье трав,
Как пришел: ничего не взяв…

* * *

Черный человек на черном коне.
Черный след копыт на черной стерне..
Черного кинжала отблеск во тьме…
Время в черной дреме, словно во сне..
Едет черный тот у звезд на виду.
Черного коня ведет в поводу.
Черною тропой над черной водой —
Черный человек за черной бедой.
Семь долин прошел он, за долом дол,
Семь потоков черных вброд перешел.
Черен взор угрюмый — нету черней.
Полон черной думой, гонит коней.
По пятам мельканье мрачных примет:
Черные деревья вздыхают вслед.
Черными глазами села глядят:
Дрожь в оконной раме, как камнепад
Изогнулся змеем след по стерне.
Черный человек на черном коне
Мчит. И растекается, разлита,
Черная молитва черного рта…

НЕРАСТОРЖИМОСТЬ

Качнулась мать:
земля уходит вдруг.
И небо отвергает крылья рук!..
Неужто кровь повытекла из жил,
Чтоб ныне в них
бездомный ветер выл?..

Землей, как кровью, истекаю я,
Должно быть, скоро очередь моя…
Свет городов затягивает мгла,
И гаснут в сердце голоса села…

Давным-давно,
душой, не знавшей ран,
Я был к порогу праздничному зван!..
Затоптанным ковром,
впитавшим прах,
Сворачивают путь мой впопыхах…

Из лона материнского взойдя,
Я уходил под пологом дождя.
Пришла пора обратно повернуть,
Но негде разостлать обратный путь.

Мне дал надежду первородный крик,
И с ним бессмертья вымысел возник!
Но кончится во мне земля и гул
У края дней на миг коснется скул…

Едва услышу материнский вздох,
И вновь земля уходит из-под ног…

* * *

Стань яблоней, покуда ночь темна,
Спасая сад…
И времени не трать.
Ты можешь все.
А дней твоих струна
В руках весны готова ликовать?
Припав к скале,
Проститься не спеши,
Постой, не оставляй ее одну…
Ты можешь все.
А ясностью души
Затмишь ли ледников голубизну?
Цветы озябли?
Озари их сам.
И будь им солнцем
До начала дня.
Ты можешь все.
А зябнущим сердцам
Хоть искру дашь от своего огня?
Приди в народ,
Ведь ждать не любит он.
Беспамятством чревата пустота.

Ты можешь все.
Терпеньем наделен,
Не забывай, что есть глагол времен
И ты под небом —
Родины уста.

* * *

Птица дней минувших? —
Нет и в помине!
Я как дерево
На груди пустыни:
С каждым листиком,
Выносимым из сердца гор,
Убывают дни мои…
Вздор!
Как вначале:
Жизнь проходит — не верим,
Мол, и больше теряли!
Пора привыкнуть к потерям.
Но когда зеленый листик,
Вихрем гоним,
Покидает лето,
Я улетаю с ним.
Наше блаженное,
Дарованное лишь раз,
Лето медленно оставляет нас.
Листьями дни проносятся мимо,
Странно так:
Легко и непоправимо.

И ВОШЛО СОЛНЦЕ В МОРЕ...

Мастер пришел в этот мир, чтобы
спасти тонкую нить-
россыпь мгновений и звуков ушед-
ших сплести воедино...

Новый поэтический сборник Геннадий Аламиа озаглавил «И вошло солнце в море...» Так обозначают абхазы заход солнца – «амра ҙаалеит», что в переводе значит «солнце вошло в воду (в море)». Но куда же еще может опуститься закатное солнце в Абхазии. И встает оно над землей конечно же из-за гор, – «амра ашьха иаавҵит», говорят абхазы, то есть «солнце взошло из-за гор». Гена об этом напишет: «А гордые горы встречают рассвет, провожают закат и взглядом державным глядят с высоты на долины». Морская и горная стихии – колыбель абхазского народа, они и в языке существуют, как неделимая конструкция: геи-шьхеи (буквально «и берег, и гора»). Геи-шьхеи существуют нераздельно, заключая в свои объятия столетия абхазской истории. Здесь, между морем и горами, ваялся колосс абхазской ментальности, на котором по сей день твердо стоит Дом национального бытия. Крепость его стен прочно удерживает Апсуара – кодекс личности, закрепляющий совесть, мужество, благородство, честь, терпение, гостеприимство, выдержку, уважительность обязанностью каждого абхаза. Апсуара уагымзаит (чтоб ты был всегда с Абхазством), потому что утратить Апсуара – значит умереть еще при жизни гражданской смертью. Вот такая духовная цитадель укрывает в своих мощных стенах поэта Геннадия Аламиа. Каждоднев-

ное лицезрение перед собой горных вершин задает особый жизненный масштаб: «здесь люди лишь гости, сотворившего эту твердь, пилигримы у подножья гор», чье «бессмертие непостижимо, как смерть». «Чтобы понять отчизны высокую суть, ты должен стать с седыми вершинами вровень».

Исполины пришли
И застыли, чтоб
Разом в танце зайтись
Или в седла сесть!
Или пасть и молиться своим богам,
Молча бурку-долину швырнув к ногам.

Горы как вечность, и бесконечность жизни – море. Этот синий простор для абхаза – тыл для души, успокоение сердца, которое, как «белый прибрежный песок весь в следах чьих-то лап, чьих-то ног. За волной посылая волну, море дарит ему белизну». Но есть и другое Черное море – «соленое море памяти, бескрайний погост, без надгробий, без плит, без крестов». Через это море пролегла абхазская дорога от родной земли к чужим берегам. «Уже полторы сотни лет ждут абхазы у моря тех, кого оно уже не сможет вернуть. И лишь пустые волны приползают и смерть свою кладут у самых их ног»... Так пронзительно сказал об этом генеральный секретарь Всемирного абхазо-абазинского Конгресса Геннадий Аламиа на шестом юбилейном заседании, где откровенно и остро говорили о судьбоносности возвращения абхазов – потомков изгнанников, о единственной возможности Абхазии выжить – вернуть своих сыновей домой. И как общественный деятель Гена посвя-

тил этому двадцать лет своей жизни. Как поэт он пронес эту тему через всю творческую судьбу.

Абхазия – земля горизонтальных связей и вертикали духа. Здесь между морем и горами народы мира сталкивались друг с другом, обменивались культурами, идеями, возвышались и сходили с мировой арены. Путь многих из них, некогда амбициозных и властных, давно исчез в истории. А народ Апсны, пережив несколько великих империй и цивилизаций, мостит свой путь в новое тысячелетие. Он дойдет до своей главной вершины и откроется ему оттуда мир вздыбленный, неспокойный и многоликий. И у абхазов в этом мировом оркестре культур и цивилизаций обязательно будет своя особая ниша. Ее есть чем заполнить, потому что «в народе есть носители огня, хранящие в душе его простое семя». Среди яркой плеяды абхазских мастеров талантливое имя Геннадия Аламиа. Вообще, плодовитость Абхазии на литературные таланты, масштаб которых выходит далеко за пределы родины, есть загадка неразгаданная. «Море и субтропики нас расслабили», – сказал мне как-то Гена, а я думаю, наоборот, оплодотворили на романтизм, раздумье, рефлексию. Мы, шапсуги, тут рядышком с абхазами, но что-то не вижу я в моем народе такой творческой плодовитости. Где-то потеряли мы эту корневую систему, хотя тоже между морем и горами пестовались Всевышним.

Что значит народ для поэта? Что дает он своему творцу? И еще один непраздный вопрос – в прагматичный век вестернизации, Интернета и душевного суховея, зачем поэты народу? Какова их рыночная цена? Так стремительно Северный Кавказ лишается своих певцов, своих верных дже-

гуако, вдохновлявших соплеменников на славные дела во имя Отчизны, что над вопросами этими надо размышлять. Тем более, что рискуем в ближайшее время окончательно утерять национальные скрижали, завещанные предками. Мы упаковали нашу историю в архивные баулы, пересыпали нафталином и выдергиваем оттуда скоморошьи погремушки для увеселения жаждущих экзотики туристов. Да простят мне наши братья абхазы, что позволяю себе право гордости моим дорогим другом Геной Аламиа как нашим адыгским достоянием, ибо, как писала я уже однажды, наша совместная доблестная адыго-абхазская история закончилась в XIX веке. И лишь следуя в фарватере за абхазскими парусами возможно доплыть до спасительных берегов национального возрождения. Пусть эта несбыточность останется моей скромной шапсугской мечтой в память о наших пассионарных предках, некогда вместе тревожащих пределы древних царств. «Ну а пока у смерти на краю, в теснине мрачной, где темно и сыро, народ, что не устроил жизнь свою, ворочается больно в теле мира», – ах, как точно, написанные по другому поводу строчки Гены, отражают нашу адыгскую реальность.

Море стало воистину колыбелью абхазов, колыбелью их истории, культуры, характера. Это оно выносило на своих волнах к абхазскому берегу корабли могущественных народов. Скифы, сарматы, греки, персы, арабы, генуэзцы, турки… Здесь все время спотыкаешься о древности мира, о перекресток Востока и Запада. Эту цивилизационную особенность очень изящно сформулировал исследователь национальных образов мира Георгий Гачев: «Аб-

хазия – локатор, уловитель, магнит, приманщик Запада: Эллады – в Колхиду, из Византии ж волна христианства здесь уловлена, принята побережьем». Замечу, что миссия эта продолжается уже в новом геополитическом и временном контексте. И хотя, как написал Геннадий, «всегда есть, кому погибнуть во имя отчизны, она не умеет к себе равнодушных прощать» и преданность свою Апсны народ доказывал не раз, но сегодня так самоценно и важно высокое слово, может быть, оно есть самое эффективное средство защиты отечества в XXI веке.

Абхазия,
Мой свет,
Моя страна.
Родимая,
Что так тебя тревожит?
Что ищешь ты,
Что потеряла ты?
Ужель ничто
Помочь тебе не сможет?»
Со мной любой
Разделит удивленье:
Была, Апсны,
Красивой ты всегда,
Хоть ничего
Кроме разоренья,
Тебе не приносила
Красота.

Эта боль за родину внеабхазская – она интернациональна. Назовите народ, у которого в книгу национального бытия не вписаны драматические сюжеты. Патриотизм Аламиа имеет вненациональный масштаб. Его многие строчки как афоризмы, для каждого малого и большого народа: «Найти нелегко дорогу к сердцу отчизны. Отчизна сама сквозь жилы проникнет в тебя и выйдет затем лишь с последней капелькой жизни». В Абхазии, как нигде на Северном Кавказе, слова о любви к родине так правдивы и просты в своей искренности. А патриотизм имеет вполне действенное наполнение. В центре Сухума, на Аллее Славы погибших за Абхазию в последней войне, все время живые цветы. Возле некоторых гранитных плит не раз я видела плачущих женщин. Любовь к родине все время рядом с абхазом. Гена умеет говорить об этой очень острой теме с такой чувственной интонацией, которая придает патетике камерное звучание. Любовь к родине, к народу без транспарантов и маршей – самая крепкая и возвышающая любовь. К тому же у Геннадия Аламиа она не ограничена только абхазским пространством. Без заискиваний, реверансов и патриотического кликушества он посылает слова любви дальше к большой родине – России, и это не дань советской традиции прошлых связей, но абсолютная искренность поэта, способного к чувствованию другого как своего:

Где найдется народ,
чтобы был так открыт и доверчив?
И нельзя не любить эту землю
и северный край,

Как родне,
груз истории
мне возложивших на плечи.
Не поэтому ль Псков и моя,
от рожденья, Апсны
Точно равные в сердце
по праву места занимают.

И в «Осетинской песне» пронзительная сопричастность с судьбой народа, обескровленного теми, кто «мчась за славой, уносили землю (родины) на копытах своих коней».

А земля без почвы –
Пустыня. На ней
Народу – не выжить,
Садам не цвести.
Кто же встретит тебя на обратном пути?..

Возвратятся Ироны,
Не сгинув в годах,
И зерно прорастет
На копытных следах,
И все горсти Земли
Жизнь в одну соберет,
И отдельные люди
Соберутся в народ.

«Осетинская песня», как манифест для всего Северного Кавказа, разорванного распрями. «Сосед мой – враг

мой» – страшная аномалия новейшей истории региона. Когда горные тропы ведут в тупики, и больше не соединяют горные ущелья друг с другом, разрушается кавказская цивилизация, народы которой как сообщающиеся сосуды подпитывали столетиями друг друга, никогда не воюя за землю между собой.

И, может быть, слово поэта станет сильнее слова политика. Как некогда великий Коста Хетагуров с неистовой страстью публициста закрывал собою целый народ. Случись между Коста и Геной беседа, они бы поняли друг друга.

Что смог бы ты, Коста,
Когда б не твой народ
Вложил в твои уста
Извечные мотивы –
Всю скорбь, всю радость,
Что в народе живы,
Безумных танцев огненную стать
И плач над тем, кому уже не встать.

«В отчизне жить вблизи родных могил – превыше нет на свете благодати», – напишет Геннадий, потому что у него получилось оставаться всегда со своей Абхазией, ведь не всем, даже очень любящим сыновьям, удается разделить с матерью каждый миг ее жизни. Отсюда насыщение поэзии Геннадия излучением абхазского макрокосмоса. Поэт даже самый талантливый, но оторванный от родной земли, – сирота бесприютная. Это беспочвенность умертвила поэзию изгнанников и эмигрантов, так ярко блиставших в стихии русской культуры Серебряного века. Талант их не

померк, но тоска по родине становилась главной и единственной темой, плодоношение образами иссякло. «Когда уже не о чем писать», – так сформулировал эмигрантскую оторванность от родины Георгий Иванов. Поэт – слух и зрение нации, ее поводырь и жрец. И жалок народ, не умеющий ценить своих Певцов. Наши не столь образованные предки гораздо трепетнее относились к Слову, нежели мы со своими множественными дипломами. К известному кабардинскому сказителю Жабаги Казаноко обратился именитый князь с просьбой написать о нем песню. Князь, видимо, был не глуп и понимал, что богатство и власть уйдут вместе с жизнью. А имя его, увековеченное в песне Жабаги, останется в веках. И деньги он предложил певцу приличные, но Жабаги денег не взял, так как репутация князя в народе была не лучшей, и Жабаги сочинять песню о нем отказался. Какая поучительная история!

ДЕНЬ БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ!..

Поэт – дитя. Ему горька обида.
Но кто из встречных знал,
как сердце рвалось.
Как истончалась нерва нить.

Эти строчки – абсолютная правда поэта о себе. Стихи Геннадия Аламиа требуют очень внимательного чтения, от некоторых из них учащается пульс, замирает от нежности сердце, перехватывает горло. Для вдумчивого читателя приготовлено много разных эмоций. Это и есть суть

поэзии – вызывать пусть маленький, но катарсис. Поэзия Геннадия Аламиа не сиюминутна, не криклива и не суетлива. Она не для громкой декламации с трибун. Чтение строчек требует сосредоточения. Поэт слышит голоса на стыке жизни и небытия. Он фиксирует мгновенья, мимо которых мы суетно проскакиваем. Совершенно изумительное в своем изящном лаконизме стихотворение о бабочке-однодневке, почти эпическое осмысление счастья жизни, как великого дара. Благодарный восторг за этот пусть один, но прожитый «день большого счастья».

Долгой жизни летний день,
Солнечный, цветастый.
Мимо – скука, смерти тень,
День большого счастья.
Крылышек последний взмах
Совершается впотьмах...
Но ведь был же этот день,
От которого – лишь тень,
Летний день,
Огромный день,
Солнечный,
Счастливый день...

Как достигается поэтом столь сильные эмоциональные сомыслия, сопереживания, какими поэтическими приемами он пользуется. Нет излишества метафор, эпитетов, нет игры со словом, с формообразованием. Лаконичен образ. Но есть своеобразный аламиевский строй строк, рифмы. Особость лирики Геннадия то, что Александр Блок

называл умением «слышать мировой оркестр». Через родную Абхазию слушает и слышит Геннадий большой мир, со смиренным восторгом перед вечной его красотой, собирает россыпи мгновений в большое цветастое полотно, памятуя, что только Мастеру дано остановить быстротечность жизни. «Мастер пришел в этот мир, чтобы сплести эту тонкую нить – россыпь мгновений и звуков ушедших сплести воедино». Можно постичь приемы ремесла и закончивший Литературный институт Геннадий ими прекрасно владеет. Но есть нечто большее у Мастера, чему нельзя научиться. И это большее – от Бога.

Лань промелькнула – была ли? –
свист ветра все дальше, все тише.
Птицы ушли в облака,
Кто их знает –
вернутся ль домой?..

Вечером девушка шла, –
скользила по кромке прибоя.
В поисках счастья прошла,
пронесла красоту, словно свет.
Падали звезды в прибой,
их уносило волною,
Песни рождались и меркли.
Тех песен уже в мире нет...

Звук отзвучавший
никто никогда не услышит,
Если его не запомнит Мастер.

Я назвала бы этот дар «тихой печалью», которая, подобно патине на старой бронзе, придает стихам Гены Аламиа всевременность и всечеловечность. О чем бы ни писал он, все словно укутано в прозрачную кисею скрытой печали, как живопись импрессионистов, на картинах которых прежде чем рассмотреть сюжет, получаешь, по выражению Сезанна, «маленькое ощущение», включающее эмоции. И здесь у Геннадия через какую-то необъяснимую корневую систему, срабатывает тот самый абхазский «локатор, уловитель, магнит», собравший на абхазской земле букет Запада и Востока. Гена, конечно же, по способу мышления европеец. Но постижение изначальной сущности природы и человеческой жизни через скрытую печаль восходит к традициям восточной, а точнее, японской культуры, отголосок которой очевиден во многих стихотворениях Аламиа. Есть у него строчки, вызывающие прямые ассоциациии с японским хокку в духе саби, как, например, это небольшое стихотворение, в нескольких строчках которого философский трактат о неизбежности слияния бытия с небытием.

Вдруг средь зимы
Тепло охватило!
В золоте лучей
Человек вступил
Под свод мирозданья.

Летом сердце вдруг
Сжалось, холодея,
Через тайный ход,

Под покровом ночи
Тихо человек
Ушел из мирозданья…

В трактовке японцев саби – это скрытая красота, окрашенная печалью. Не скорбь, а философская грусть, или грусть от задумчивого взгляда на мир. Саби от того же корня, что и «сабисий» (одинокий, печальный). Но саби – не пессимизм, а осознание согласованности всего бытия с природой, у которой есть свои законы, которым подчинено все. Что такое твоя печаль перед лицом вечности? Только в отличие от японского смирения перед законами природы, душа Геннадия отказывается принимать неизбежность небытия. Потому что каждый ушедший – это мир.

Разве вы знаете, что
Вы пронесли на носилках?
Это мир. Целый мир убитый,
Простынею белой укрытый.

Не умещался в мире
Тот мир, прекрасный и пылкий,
Он так теперь уменьшился,
Что весь уместился в носилки.

Огромный, трепещущий, нежный,
С улыбкой лучшей из женщин,
Мир человека уходит,
До размеров носилок уменьшен.

Под грубый смех санитаров
Я к холодным перилам прижался.
Мир опускался по лестнице,
По которой я подымался.

Это написано человеком, прошедшим войну, где смерть – привычка, смерть – конвейер, сколько их видел Гена? И так чувствовать уход человека. Что есть смерть? Небытие, тлен, бессмысленность бытия? Когда на эти вопросы отвечает поэт, они обретают неожиданный поворот. У смерти есть свой особый смысл, потому что «ушедшие вместе с живыми хранят планету, и кости умерших врастают в родимую землю. Без них бы земля распалась». Что есть жизнь? «Неизлечимый недуг! Беспарусный челн! Дорога, долгий, тяжкий путь!»

Мы все в пути:
    и ты,
        и я,
            и он,
ступаем в след,
    не попадаем в тон,
невзятые вершины в каплях крови –
    надгробьями у наших изголовий...
Мираж морей –
    слезами на лице...
Мы все в пути.
Мы встретимся в конце.

Надо ли писать о поэте? В конце концов есть его стихи, которыми он сам все важные вещи сказал. Зачем пытаться расшифровывать поэзию прозой? Может быть, наша попытка анализа любопытна прежде всего самому поэту. Дошел ли до читателя его голос, узнаваем ли он, его интонация, ведь у поэтов тоже разные голоса: нежные, скрипучие, брюзжащие, надменные, шепчущие, чистые, ломкие, задумчивые, уверенные в себе мужские голоса. «Голос – это самое пленительное и неуловимое в человеке. Голос – это внутренний слепок души. У каждой души есть свой основной тон, а у голоса – основная интонация. Лирика – это и есть голос. Лирика – это и есть внутренняя статуя души. Смысл лирики – это голос поэта, а не то, что он говорит», – так написал Максимилиан Волошин в статье «Голоса поэтов». Разделяя стихи на «продуманные, замолчанные, молча закрепленные, крикнутые, прошептанные…», большой поэт Волошин далее произносит фразу, в которой я нашла главную суть поэзии Геннадия Аламиа: «Внутренняя статуя голоса возникает из этого зыбкого молчания сердца, прерываемого криком нахлынувшей жизни». Вот оно, то главное, что объясняет магию аламиевской поэзии: «Зябкое молчание сердца – крик нахлынувшей жизни». Какой редкий дар – не себя любить в мире, а мир в себе. Не себя нести в мир, а мир – в себя. Отсюда деликатность его стихов и особая чувственность. Восхитительный пример такой чувственности – это стихотворение. Его нужно читать еще, еще и еще…

В черноте ночи
мои мелькающие пальцы

подобно молнии,
расплетая черные косы твои,
горят...
биение сердца моего –
что громче грома сейчас –
на кончиках пальцев моих,
как на стеблях,
загорается красными цветами...
птицы оборвали песню свою
на самом чудном месте...
застыли два цветка,
склонив друг к другу маковки...

Это ренессансный гимн любви – страсти, целомудренному эротизму, если позволительно сочетать эти два слова. Здесь сжигающая чувственность стыдлива и нежна, она настоящая, мужская! Это редчайшая интонации в любовной лирики.

ДУШОЙ АБХАЗИИ РОЖДЕННЫЙ

Подчеркну еще раз, что поэзия Геннадия Аламиа – одна из ветвей мощного ствола абхазского космоса. Здесь между морем и горами жизнь общинная, коллективистская, внешне яркая, обильная, внутри сдержанная, вдумчивая, самоограничительная. Пиршество многолюдных свадеб, абхазский годекан – реинкарнация греческой агоры. Рестораны-пацхи с дымком костра и запахом сушеного мяса, куда идут, как к домашнему застолью. Все друг друга зна-

ют, чувствуют, понимают. И наблюдают друг за другом – лучшего общественного контроля не придумаешь. Здесь знают цену друг другу, поэтому все стараются себя не обесценить. Абхазы живут одной семьей. Так заведено столетиями, что составляет суть национального космоса.

В таком замкнутом общественном пространстве не может существовать культура одиночества, личной закрытости. Хотя бытовала традиция абречества – уход в горы от общины, отрыв себя от народного тела. У Гены Аламиа – абречество духовное, скорее закрепляющее его слиянность с абхазским миром, но позволяющее ему душевную эмиграцию, самоанализ, для которых, по выражению Георгия Гачева, необходима «высокая культура одиночества». Этого требуют его стихи, невозможные без сердечного напряжения и сосредоточенности. Только тогда появляются строчки, подобные этим: «Почка взорвалась, листва вернулась. Будет вдоволь яблок краснощеких. Облако пылает-день вернулся. Дети нашалились до упаду». Или восхищенные строчки о «Днях сотворения», когда вызрел виноград и скоро он станет вином и чтобы вино это было настоящим нужно, чтобы виноград сам захотел отдать всю свою солнечную силу напитку, а для этого ему нужно много нежности, и «чтобы смех виноградин не прерывался. Чтобы сам поменять был бы рад солнечный свет на безмолвную полночь кувшина», и чтобы он «не смирился, сроднился бы с этой судьбой. Только тогда, покидая прохладную глину, Сможет он с кровью смешаться, стать мной и тобой». Вот так и душа поэта бродит в народном чреве, как вино в глиняном сосуде, зарытом до нужной поры в землю. Так

национальная ментальность необъяснимо оплодотворяет поэтическое слово.

Щиши-нани, –
Спит Луна.
Щиши-нани, –
Тишина.
Спит усталая Луна.
Не бывало краше сна!
Сон чудесный –
Диво див!
Свод небесный
Исходив –
Троп и тропок без числа –
Утомилась и легла.
Щиши-нани, –
О, не зря
Колыбель ее – Земля.
И озерная вода
Укачает без труда.
Сколь надежно ни свети,
Нужен отдых на пути.
Нужен отдых на пути,
Или в небо не взойти.

Геннадий Аламиа – поэт по гамбургскому счету. Самодостаточность его лирики вполне обходится без кавказских аксессуаров, которыми так часто грешат его коллеги в попытках позиционировать себя певцами национальными

духа. Поэт настоящий, с обостренным зрением и слухом, с поющей и страдающей душой. В нем счастливо совпали поэт и человек, творчество и жизнь, идеал и реальность. Не каждому художнику посылается подобная гармония. Говоря о Геннадии Аламиа нельзя фальшивить. Так честен он перед близкими, но что важнее – перед самим собой. Это редчайшее качество – ноша тяжкая и спасительная одновременно в наше гиперконформистское время. Мы ведь все время переступаем через себя, лукавим, легко договариваемся с собственной совестью. Геннадий имеет право повторить вслед за Беллой Ахмадулиной: «Способ совести избран уже и от меня ничего не зависит». Его доброжелательный, спокойно наблюдающий за жизнью взгляд так зорок, что перед ним стыдно лукавить, пытаться «играть себя», а ведь сколько вокруг актерствующих талантов и посредственностей. Но, когда отыгрываются роли, что от тебя самого остается внутри – вот вопрос, сжигающий сердца на подходе к Божьему порогу и праведников, и тех, «кто жил, поживал, не любил, не пахал, не сеял. Векековал – ни добра, ни зла не содеял. Так и ушел». И всегда остаются не отвеченными вечные вопросы.

Анан Мария!
Ты слышишь меня?!
Ответь,
Стоит ли мук
То, чему суждено истлеть?

Этот
Все до капли людям раздал.

А тот
На себя растратил свой жар.
Прожил, словно ничего не отдав…
Но скажи,
Который пред небом не прав?..
Анан Мария,
Ты ведь скажешь, когда пора?..

Входя в мир поэзии Геннадия Аламиа, я пыталась сохранить равную поэту честность, не оскорбив его лестью и фальшивым пафосом. Хотя он сам обезопасил себя от этого высотой стиля и искренностью чувств. Его поэзия – монолог мужчины! Причем, мужчины кавказского. За внешней сдержанностью скрыта внутренняя исповедальность, гармония с миром, где жизнь полна поиска, драматизма и счастья бытия одновременно.

Я начну свой фильм кадрами Черного моря. Оно будет весенним: уже не по-зимнему неприветливым и еще не по-летнему расслабленным. Это будет море памяти, море детства, юности, мужания. И вдоль берега моря будет идти добрый, мудрый человек. И набегающая волна будет стирать страницу за страницей его рассказа: любовь, жизнь, смерть, война, разлука, друзья, любимые, дети, внуки… Банальный прием, но честный. Среди кадров фильма обязательно будут ожившие родники, некогда замурованные уходившими на чужбину абхазами в надежде уберечь их от осквернения до своего возвращения на родину. Гена утверждает, что соотечественники стали возвращаться. Сегодня это главная его забота. «Не стоит ждать от родины

больше того, что ты привнес в решение ее судьбоносных проблем», – скажет Геннадий. Мне кажется, я знаю заранее все, что он мне скажет в фильме, потому что мы с ним одной крови. Гена, прости, что пристраиваюсь рядом с тобой. Но ты знаешь, почему. И первое стихотворение, которое попрошу я его прочесть в кадре, будет «В этот мир я ни с чем пришел...»

Звездный свет я в небе сыскал.
Дали силу мне луг и лес,
Молчаливая гордость скал,
Жар небес. И хляби небес.
Плыл во тьме, лишенный тепла.
Но волна меня поняла...
Ноги сбил в дорожной пыли,
Но ступни мои заросли.

Сплел судьбу, на плечи взвалил
И стою на пределе сил.
День придет, эту ношу сам
Я грядущим за мной раздам.

И уйду в чернолесье трав,
Как пришел: ничего не взяв...

Сулиет Кусова-Чухо, культуролог
г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Басария. Во многой мудрости... 3

Мастер. *Перевел А. Антонович* 15
Диоскурия. *Перевел А. Антонович* 19
«Нет человека...» *Перевел А. Антонович* 20
Мгновенье еще золотится...» *Перевел Ф. Искандер* 22
Бабочка-однодневка. *Перевел А. Антонович* 23
И только круг. *Перевел А. Антонович* 24
Кони попутно... *Перевел А. Антонович* 25
Голубое. *Перевел А. Антонович* 27
«И мертвым нет покоя...» *Перевел А. Антонович* 28
«На вороном в звоне сбруи червонной промчалась...» *Перевел А. Антонович* 29
Наш спутник — море. *Перевел А. Антонович* 31
«Прошедшее... Настоящее... Будущее...» *Перевел А. Антонович* 33
«Сердце — белый прибрежный песок...» *Перевел А. Антонович* 35
«Не оглядывайся!» — слышу я за спиной...» *Перевел А. Антонович* 36
«Есть Черное море...» *Перевел А. Антонович* 37
«Колыбельный напев поздней ночью меня разбудил... *Перевел А. Антонович* 38
«Послушай, жизнь...» *Перевел А. Антонович* 39
«Молчала ты... Так в ожиданье ветра...» *Перевел А. Антонович* 40
«Текут ручьи агатовых волос...» *Перевел А. Антонович* 41
«Мгновение, когда природа спит...» *Перевел А. Антонович* 43

«Я думал, ты стоишь передо мной…» *Перевел А. Антонович* 44
На больничной лестнице. *Перевел Ф. Искандер* 45
Ночной полет. *Перевел А. Антонович* 46
«Кружится, кружится, кружится лист…» *Перевел А. Антонович* 48
«Какая мука знать, что каждый миг…» *Перевел А. Антонович* 49
«Когда человек остается навечно…» *Перевел А. Антонович* 50
«Спит берег, разметавшийся во тьме…» *Перевел А. Антонович* 51
«Стальным клинком из ножен…» *Перевел А. Антонович* 52
«Как трудно найти человека, когда он…» *Перевел А. Антонович* 53
Когда ты спишь… *Перевел А. Антонович* 54
«Река мелеет, обнажая дно…» *Перевел А. Антонович* 55
«Смерть то с пулею свинцовой…» *Перевел А. Антонович* 56
Две могилы. *Перевел А. Антонович* 57
На рассвете… *Перевел А. Антонович* 59
День моего рождения. *Перевел Д. Чачхалиа* 60
«К чему ни притронешься ты…» *Перевел Д. Чачхалиа* 61
Рассвет. *Перевел Д. Чачхалиа* 63
«Мир не знает беды…» *Перевел Д. Чачхалиа* 64
Судьба. *Перевел Д. Чачхалиа* 66
«Издалека шла в город темнота…» *Перевел Д. Чачхалиа* 70
Звезды-слезы. *Перевел Д. Чачхалиа* 71
«В черноте ночи…» *Перевел Д. Чачхалиа* 72

«Я осенью двинусь…» *Перевел Д. Чачхалиа* 73
Зима в саду. *Перевел Д. Чачхалиа* 74
Горы. *Перевел Д. Чачхалиа* 76
Море обиды. *Перевел Д. Чачхалиа* 78
Монастырь. *Перевел Д. Чачхалиа* 80
Моя вина. *Перевел Д. Чачхалиа* 82
Дорога. *Перевел Д. Чачхалиа* 84
Ощущенье времени. *Перевел Д. Чачхалиа* 86
«Лопнула почка…» *Перевел Д. Чачхалиа* 87
Не плачет берег. *Перевел Д. Чачхалиа* 89
Мнение. *Перевел Д. Чачхалиа* 90
Псху. *Перевел Д. Чачхалиа* 91
Зеркала. *Перевел Д. Чачхалиа* 94
Песня Жаны Ачба. *Перевел Ф. Искандер* 96
«Я засыпаю…» *Перевел А. Антонович* 97
«Небо застыло…» *Перевел А. Антонович* 99
«Человека следы…» *Перевел Н. Цветоватый* 101
«Ветер ставни листал…» *Перевела Н. Кремнева* 102
Центр земли. *Перевел Д. Чачхалиа* 104
Семя огня (фрагменты поэмы). *Перевел Д. Чачхалиа* …109
День непреходящий. *Перевел И. Фаликов* 117
С дубом сгорел. *Перевел И. Фаликов* 118
Издалека. *Перевел И. Фаликов* 120
Выбор. *Перевел И. Фаликов* 122
Стекло земли. *Перевел И. Фаликов* 123
Двери абхазского дома. *Перевел И. Фаликов* 125
Результат. *Перевел И. Фаликов* 127
Были-небылицы. *Перевел И. Фаликов* 128
Дочь Аирга, невестка Ажвейпша. *Перевел И. Фаликов* .130
«Я, перещеголявший всех…» *Перевел И. Фаликов* 132
«Мы все в пути…» *Перевел И. Фаликов* 133
«Вмещает ночь в себя…» *Перевел И. Фаликов* 134

Время и красота. *Перевел И. Фаликов* 136
Равнодушие. *Перевел И. Фаликов*.....137
Диалог. *Перевел И. Фаликов*.....138
«Счастье детства – детская игра...» *Перевел И. Фаликов* 139
Не хватило. *Перевел И. Фаликов*.....140
Мечта. *Перевел И. Фаликов*.....141
Нежность камня. *Перевел И. Фаликов* 142
«Пробудись, ветерок...» *Перевел И. Фаликов*.....145
Добро. *Перевел И. Фаликов*.....146
Человек. *Перевел И. Фаликов* 148
«Старец бога узрел...» *Перевел Ю. Уваров* 149
Русло крови. *Перевел Ю. Уваров*.....152
Осетинская песня. *Перевел Л. Озеров* 165
«Покуда сны твои не обжег восход...» *Перевел В. Еременко*.....176
Ауадхара. *Перевел В. Еременко*.....178
Не мучайте Венеру. *Перевел В. Еременко* 180
Из цикла «Тринадцать стихотворений последней весны». *Перевел В. Еременко*.....183
Мзаиа. *Перевел В. Еременко* 200
Из цикла «В скобках времени». *Перевел В. Еременко* ..202
«Вдруг средь зимы...» *Перевел В. Еременко*.....203
Утро. *Перевел В. Еременко* 204
Спасение. *Перевел В. Еременко* 206
«За пределами зримого в белом небе...» *Перевел В. Еременко*.....207
«Сгораем!..» *Перевел В. Еременко* 208
«На грани неба и земли...» *Перевел В. Еременко* 210
«Земля, я исчерпал твой дар до предела...» *Перевел В. Еременко*.....211
«Мечется пламя...» *Перевел В. Еременко*.....212

«Парус лодку на дно увлечет…» *Перевел В. Еременко*..213
«Анан Мария!» *Перевел В. Еременко*.. 214
«В этот мир я ни с чем пришел…» *Перевел В. Еременко*.....216
«Черный человек на черном коне…» *Перевел В. Еременко*.....218
Нерасторжимость. *Перевел В. Еременко* 219
«Стань яблоней, покуда ночь темна…» *Перевел В. Еременко*.....221
«Птица дней минувших?..» *Перевел В. Еременко*.....221

С. Кусова-Чухо. И вошло солнце в море.....222

Геннадий Шаликович Аламиа

Сквозь лунный свет...

Стихи

Редактор *Владимир Никонов*
Корректура *Саида Аргун*
Художник *Наала Ломиа*
Компьютерная верстка *Анжела Кетиа*

Формат 70x108$^{1}/_{32}$. Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 10.
Заказ №